

ЭМИЛИ

РОДДА

РΟΥЭН-УЧЕНИК КОЛДУНЬИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

«АЗБУКА КЛАССИКА»

История робкого пастушка Роуэна не закончилась, главные приключения — впереди! Книга знаменитой австралийской писательницы Эмили Родды не разочарует любителей тайн, головоломок и неожиданных развязок сюжета.

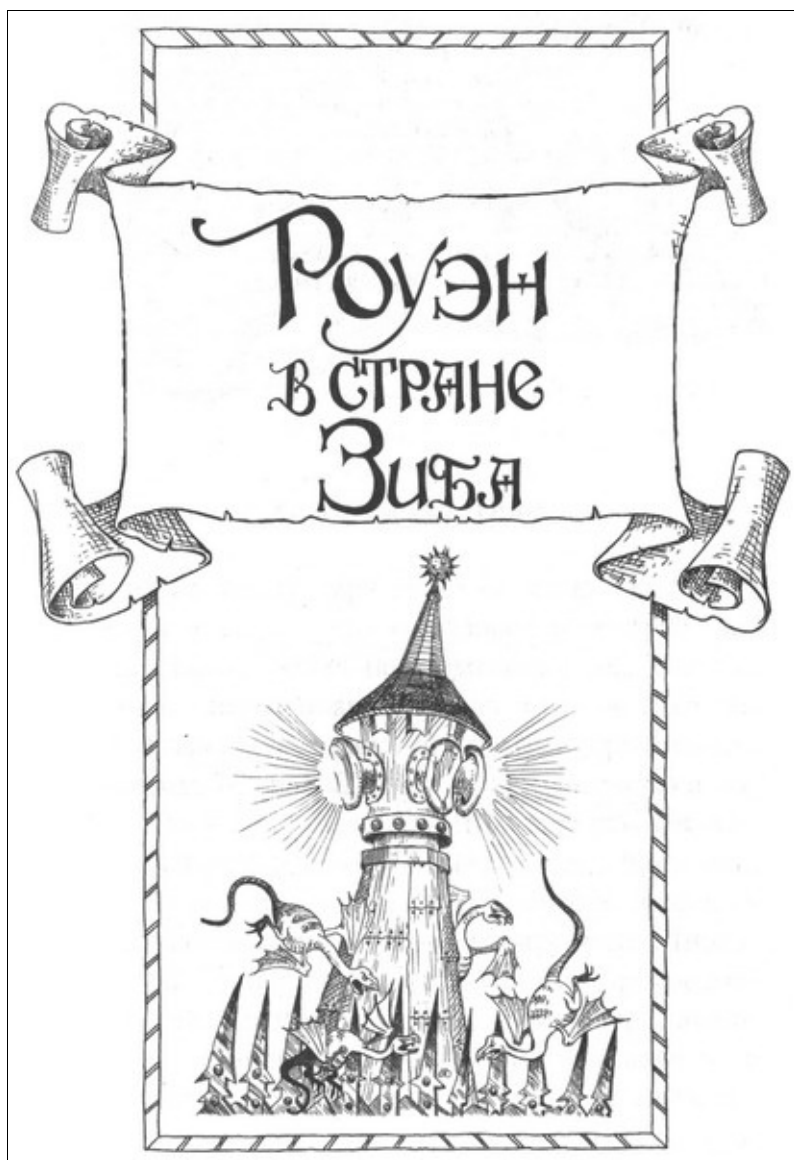
Роуэн не уверен в себе, но когда опасность угрожает его родной деревне Рин, неожиданно для всех проявляет удивительную отвагу и находчивость.

Предсказания колдуньи Шебы, смысл которых очень трудно разгадать, — вот и все, что есть у Роуэна, чтобы преградить путь врагам. И вот Роуэн не колеблясь отправляется с друзьями за море в страшную страну Зибба, чтобы спасти свою маленькую сестренку, а когда в долине наступает вечная зима и ручные букшахи начинают умирать от голода, он единственный сражается до конца.

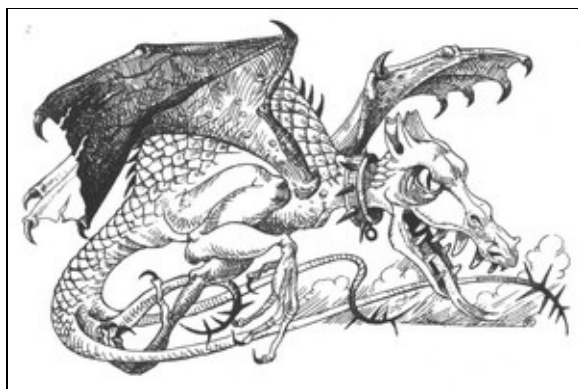
- [Эмили Родда](#)

- - [1. Предчувствие](#)
 - [2. Нападение](#)
 - [3. Роуэн принимает решение](#)
 - [4. Дар](#)
 - [5. Стихи](#)
 - [6. Во тьме](#)
 - [7. Буря](#)
 - [8. «Странных пальцев ровно пять...»](#)
 - [9. Пустынные земли](#)
 - [10. Ночная опасность](#)
 - [11. Путь к стене](#)
 - [12. «В отражение треск раздастся...»](#)
 - [13. Лабиринт](#)
 - [14. «Один из пальцев отсечен»](#)
 - [15. Оковы](#)
 - [16. Неожиданная встреча](#)
 - [17. Цветные тени](#)
 - [18. «Конец в начале будет скрыт»](#)
 - [19. Конец](#)
 - [20. Ужас](#)
 - [21. Урок](#)
 - [Глоссарий](#)
-

Эмили Родда
«Роуэн в стране Зиба»

1. Предчувствие

Следуя запаху, гарч летел на запад. Он проголодался и устал, ведь он провел в воздухе уже много часов, даже не помышляя об отдыхе. В жёлтых неподвижных глазах гарча не было ни единой мысли — только неукротимая решимость исполнить приказ. Следуя запаху, он должен долететь до определённого места и вернуться к своим хозяевам с тем, что они велели ему принести.

Гарча звали Бара, и было ему сто двадцать лет. Хозяева хорошо его вымуштровали. Много-много лет они умело обучали его беспрекословному повиновению, поэтому даже теперь, вдали от грозных окриков и свиста хлыстов, Бара и не помышлял нарушить повеление и поступить по-своему.

Море осталось далеко позади, и теперь гарч летел над зелёными холмами. Между ними извивалась Река, ярко блестящая на солнце, а впереди поднималась Гора, вершина которой скрывалась в облаках.

Но гарч не полагался на глаза. Не полагался он и на уши, оглушённые свистом ветра и шумом крыльев. Лишь раздвоенный язык, без усталости трепетавший в раскрытой пасти и жадно ловивший запахи, указывал ему дорогу.

Гарч знал, что он уже близок к цели. Запах мохнатых тёплых животных всё усиливался. И от этого запаха пасть Бары наполнялась голодной слюной. Бара даже знал, как называются эти звери, — букшахи.

Букшахи. Сколько раз хозяева Бары произносили это слово, и размахивали перед гарчем серой мохнатой шкурой, и давали ему сочные куски мяса. Отправляя Бару в дорогу, хозяева опять сказали: «Букшахи. Ищи» — и открепили цепь.

Запах букшахов был сильным, но гарч ощущал и другие запахи. Некоторые он знал, но один никогда не встречался ему раньше и таил в себе опасность. Огненный и в то же время ледяной, это был запах обжигающего дыхания, ядовитых клыков и древней завистливой силы.

Жёсткие шипы на спине гарча от возбуждения встали дыбом. Но его жёлтые змеиные глаза смотрели не мигая, а пёстрые чешуйчатые крылья не замедляли движения. С каждым взмахом крыльев гарч приближался к Рину.

Роуэн пристально смотрел в ярко-голубое небо над деревней. Вершина Запретной Горы, как всегда, скрывалась в облаках, но остальное небо было прозрачным и чистым. Тем не менее определённо надвигалась гроза. Как иначе можно было объяснить тревожное предчувствие, терзавшее Роуэна с раннего утра и усиливавшееся с каждой минутой?

«Ерунда!» — твёрдо сказал он себе.

Он поборол страх и решил ни о чём не рассказывать своей маме, Джиллер. Не хватало ещё без толку беспокоить её в такой день!

Пусть сегодня Джиллер будет такой же беззаботной, как Аннад, младшая сестра Роуэна, которая в новом платье уже весело пляшет в саду. Мама должна быть такой же радостной, как Силач Джон, — а он уже появился в воротах, подхватил на руки Аннад и быстрыми шагами направляется к дому, неотразимый в своём свадебном наряде.

Роуэн заставил себя помахать Джону. Он весёлым голосом поздоровался с ним и постарался подавить в себе вновь зашевелившиеся мрачные предчувствия.

Трудолюбивые жители Рина не так-то часто забывают о повседневных заботах и устраивают большие праздники. Но даже в Рине свадьбу считают достойным поводом для торжества. Тем более если это свадьба Джиллер и садовника Джона!

Жители Рина очень любили Джиллер и Джона, а сын Джиллер Роуэн, пастух букшахов, славился своей отвагой. Глядя на него, трудно было это предположить. Застенчивый, робкий и мечтательный, Роуэн не походил на других жителей деревни. Однако именно он сумел забраться на Гору и не побоялся Дракона, обитавшего на её вершине. В союзе со странствующим племенем бродников Роуэн спас Рин от неминуемой гибели. К тому же ходили слухи, что загадочная сила связывает мальчика с самим Хранителем Кристалла, предводителем водяных людей, что живут далеко на побережье.

Прежде жители Рина считали, что от Роуэна не будет толку, но теперь все смотрели на него с уважением. Никто не дразнил его и не делал ему замечаний. И даже речи не заходило о том, что в его возрасте можно было бы выполнять работу посложнее, чем приглядывать за смиренными и кроткими букшахами.

Кое-кто даже побаивался Роуэна и полагал, что он умеет колдовать. Такие люди замолкали, стоило пастушку зайти в амбар или показаться на площади, и строго-настрого запрещали своим детям к нему приставать. А когда весной в стаде букшахов родился телёнок, не серый, как обычно, а чёрный, некоторые поговаривали, что это знак, свидетельствующий о сверхъестественной силе мальчика. И если бы этим людям сказали, что больше всего на свете Роуэн хотел бы ничем не отличаться от остальных жителей Рина, они бы только посмеялись.

Именно из-за Роуэна свадьба Джиллер и Силача Джона стала не простым деревенским праздником. Ещё вчера над деревней появились три больших воздушных змея, на которых прибыли предвестники бродников, а теперь подросли остальные бродники и разбили на холмах свои шатры. Весёлые и приветливые, они всегда были рады попеть и потанцевать.

Из Водяной страны пришёл Жемчужник из рода панделлисов и принёс дары от своего народа. Он охотно пустился в нелёгкий путь, хотя вдаль от моря его кожа быстро высыхала и начинала трескаться.

Ради такого события даже нелюдимые мельники Вэл и Эллис соизволили показаться на людях. Даже угрюмая Бронден, занимавшаяся столярным ремеслом, в этот день забросила работу. Все хотели повеселиться и поздравить Джиллер и Джона.

Поэтому в полдень, когда жених и невеста подошли к большому дереву, росшему на краю лужайки, их уже поджидала толпа. Отсутствовала лишь колдунья Шеба. Впрочем, этому никто не удивился, а втайне все только порадовались. Многие обращались к Шебе при болезнях и невзгодах, но ни у кого не повернулся бы язык назвать её желанным гостем на свадьбе.

Роуэн вступил под сень дерева, едва осознавая, что идёт вслед за мамой и Силачом

Джоном рядом с радостно прыгающей сестрёнкой Аннад, а вокруг них собрались радостные люди. Страшное предчувствие не оставляло его, и он молча и словно издали смотрел на происходящее. Роуэн стиснул зубы, изо всех сил стараясь не выдать своих мыслей.

«Всем сейчас весело, — сказал он себе. — Почему я должен чувствовать себя иначе?»

«Потому что ты всегда отличался от остальных, — прозвучал у него в голове чей-то голос. — И теперь больше, чем когда-либо».

В отчаянии Роуэн приказал этому голосу замолчать. Повернув голову, он поймал на себе взгляд сказочника Огдена, предводителя бродников, который вместе со своей приёмной дочерью Зеел и остальными сородичами стоял чуть поодаль.

Рядом с бродниками, нарядившимися в яркие шелка и украсившими волосы лентами, жители Рина даже в своих лучших одеждах выглядели весьма скромно. Однако Роуэн обратил внимание, что лица бродников очень серьёзны, а сами они как будто в любой момент готовы сорваться с места и броситься бежать. В глубоких глазах Огдена Роуэн увидел печаль.

Джиллер и Силач Джон ничего не замечали. С улыбкой они приветствовали бродников, и Огден вежливо поклонился в ответ. Но сказочник пристально смотрел на Роуэна, и в его взоре явно читался вопрос: «Что-то неладно. Мы чувствуем это. И ты тоже — я это вижу. Что случилось?»

Роуэн слегка покачал головой: «Не знаю».

Огден бросил взгляд на Жемчужника, водяного человека, стоявшего рядом с хлебопёком Аллуном и ткачихой Марли, близкими друзьями Джиллер и Джона. Марли и Аллун со смехом надевали Джиллер на шею цветочную гирлянду, но Жемчужник неподвижно застыл, вытянув руки по швам. Из почтения он откинул капюшон, защищавший его от палящих лучей, и Роуэн увидел, что плоские стеклянные глаза водяного человека уставились в одну точку.

Жемчужник был напуган. Но чего можно бояться здесь, под прохладной тенью дерева, в уютной безопасной долине?

«Берегись, Роуэн! Надвигается опасность», — внезапно прозвучало в ушах Роуэна. Это было послание Хранителя Кристалла из страны водяного народа, который хотел его предупредить, как до того предупредил Жемчужника.

Но Джиллер и Силач Джон уже стояли перед старой Ланн, и свадьба началась.

«Сейчас я никому не могу сказать об этом, — в отчаянии подумал Роуэн. — Если я и попробую, никто меня всё равно не послушает, пусть бы я сто раз был героем! Все решат, что я хочу помешать свадьбе. Мама и Джон тоже так подумают. Я не могу этого сделать».

В своё время Роуэну была противна даже мысль о том, что Силач Джон может занять место его отца Сефтона. Но теперь он понимал, что никто и никогда не займёт места Сефтона — ни в его собственном сердце, ни в сердце Джиллер. Но это вовсе не значит, что ни он, ни мама не могут полюбить кого-то другого.

Роуэн очень привязался к Силачу Джону, другу своего покойного отца. Но он никогда не говорил об этом ни маме, ни самому Джону. Выражать свои чувства вслух в Рине считается неприличным. И только своим весёлым видом на свадьбе Роуэн мог показать свою радость.

Кроме того, ещё была Аннад. Роуэн глянул на сестрёнку, которая, затаив дыхание, наблюдала за происходящим. Аннад не помнила отца, ведь он умер, когда она была совсем маленькой. И она просто обожала Джона. Аннад так ждала этого дня! Ей не терпелось пройти по деревне в новом нарядном платье...

«Я не могу, — снова подумал Роуэн. — Вмешиваться в ход свадьбы сейчас нельзя. Огден и Жемчужник считают, что время терпит. Подожду и я. Что плохого произойдёт, если я чуть-чуть повременю?»

Как горько Роуэн будет жалеть, что не поступил иначе.

2. Нападение

В тишине под сенью высокого дерева Джиллер и Силач Джон сказали, что любят друг друга. И после шума рукоплесканий, поздравлений и радостных возгласов Ланн назвала их мужем и женой.

Взрослые жители Рина окружили Джиллер и Джона и повели их к накрытым неподалеку праздничным столам, учтиво проследив, чтобы Жемчужник и бродники не затерялись в толпе. Аннад радостно бросилась к своим друзьям, а Роуэн остался стоять на месте, внимательно глядя по сторонам.

Джиллер и Джон уселись во главе самого большого стола, уставленного лучшими кушаньями. Здесь были фрукты и овощные салаты, восхитительный сыр из молока букшахов, пироги и пышные караваи, испечённые Аллуном и его матерью Сарой; пирожные и другие сласти, которые изготовил кондитер Солла. Там и сям громоздились высокие кувшины с холодным ягодным соком и вином из лютиков. Бродники весело запели. Судя по всему, Огден почёл за лучшее как ни в чем не бывало продолжить праздник.

Роуэн прислонился к гладкому стволу дерева и попытался успокоить свои мысли. Сверкающие солнечные лучи пробирались между листьями, усеивая землю золотистыми пятнами света. С тех самых пор, как три столетия назад жители Рина пришли в долину, они женились под этой зелёной кроной, здесь же нарекали детей и прощались с усопшими. Дерево и в старину было большим, теперь оно стало гигантским.

— Смотри, Роуэн! — сквозь пение, разговоры и детский гомон прорвался звенящий голосок Аннад.

Роуэн оглянулся. Сестрёлка стояла у изгороди и указывала на букшахов.

— Иди сюда!

Когда Роуэн подошёл поближе, друзья Аннад притихли и стали робко расходиться, но девочка бросилась к брату, схватила его за руку и потащила к изгороди.

— Смотри, они танцуют, — смеясь, сказала она.

Роуэн застыл от удивления. Огромные горбатые животные стояли бок о бок, образуя плотный круг. Их головы были обращены наружу, но животные так тесно прижались друг к другу, что их гривы будто сплелись. Букшахи били копытами о землю. На первый взгляд действительно могло показаться, что они танцуют.

Аннад возбуждённо подпрыгивала на месте.

— Роуэн! — канючила она. — Ну пойдём! Давай спустимся к ним.

— Нет, Аннад, — улыбнулся Роуэн.

Он и сам был не прочь выбраться из толпы и отправиться на луг, но понимал, что это будет выглядеть странно и невежливо.

С нетерпеливым возгласом Аннад выпустила руку брата. Она стряхнула пыль со своих туфель, поправила платье, перелезла через изгородь и понеслась к букшам.

— Аннад! — окликнул её Роуэн, но девочка его не слышала.

Она перепрыгнула через ручей и понеслась к своей любимой Звёздочке, предводительнице стада.

Роуэн с улыбкой смотрел на сестрёлку. Её золотистые волосы развевались на бегу. Одета в розовое платье, она напоминала огромную бабочку, порхающую над травой. Роуэн ожидал, что при виде Аннад букшахи разорвут свой странный круг, но, к его

удивлению, животные вообще не пошевелились. Они стояли неподвижно, словно окаменели, и, задрав головы, напряжённо принюхивались к чему-то в воздухе.

Роуэн был озадачен. Его поразило ещё одно обстоятельство: он нигде не видел молодых букшахов — телят, появившихся на свет этой весной. Исчезли все до единого — даже чёрный, самый маленький.

Тем временем Аннад приплясывала перед Звёздочкой, что-то ей говорила и уже протянула руку, чтобы её погладить. Звёздочка предостерегающе замычала и резко мотнула головой, отталкивая девочку прочь.

Роуэн так и подпрыгнул от неожиданности. Звёздочка всегда была такой кроткой! Она слушалась даже маленьких детей, и Аннад она любила почти так же сильно, как самого Роуэна. Однако сейчас Звёздочка пыталась отогнать девочку от стада.

Роуэн нахмурился и вцепился в изгородь.

«А вдруг Звёздочка пытается прогнать Аннад назад? Туда, где она будет в безопасности?»

— Аннад! — закричал он, но его голос потонул в смехе, доносившемся с праздничного застолья, и сестрёнка ничего не услышала.

Она чуть поколебалась, а затем шагнула вперёд и опять протянула руку. На этот раз Звёздочка толкнула её сильнее, так что Аннад шлёпнулась на траву. Другие букшахи копытами рыли землю, но не трогались с места.

«Они боятся нарушить круг», — подумал Роуэн и внезапно понял, в чём дело. Внутри, за стеной из мощных тел, скрывались телята.

Сердце Роуэна заколотилось.

— Аннад! Берегись! — закричал он и, неуклюже перемахнув через изгородь, понёсся к Реке.

Но было уже слишком поздно. То, что случилось потом, заняло лишь несколько мгновений. Но Роуэн до конца своих дней будет помнить всё так подробно, словно происходящие события растянулись на долгие минуты.

Вот он бежит изо всех сил, задыхаясь и дрожа от страха, но чувствует, что вовремя ему не поспеть. Вот Аннад оборачивается к нему, поднимается на ноги и отряхивает платье. На её розовое разгорячённое личико и растрёпанные золотистые волосы падает чёрная тень.

Грозный рык раздаётся с вершины Горы, а в ответ слышен скрежещущий клёкот с небес. Букшахи отчаянно мычат, и с оглушительным хлопаньем крыльев к ним снижается громадное чудище. Его оперение сверкает зелёными, жёлтыми и серыми пятнами. Бешено извивается отвратительный тройной хвост. Будто со стороны Роуэн слышит свой собственный вопль, и тут же Аннад с пронзительным визгом срывается с места. Её платье развеивается на ветру, поднятом мощными крыльями.

— Аннад! Ложись! Прячься в траве!

С криком Роуэн перескакивает через ручей.

Но Аннад ничего не понимает от испуга. И вот желтые плоские глаза чудовища останавливаются на маленькой бегущей фигурке. Ярко-розовый и золотистый цвета так хорошо заметны на зелёной траве!

В это мгновение Роуэн бросает взгляд на шею крылатого зверя, и то, что он видит, ошеломляет его. Но затем волна страха вытесняет все мысли. Чудище поворачивается в воздухе, пролетает мимо букшахов и, выпустив длинные алые когти, несётся прямо на Аннад.

— Нет!

Роуэн делает последний рывок, отчаянными воплями пытаясь отвлечь внимание зверя на себя.

Но чудище уже поднимается вверх и с победным клёкотом, оглушительно шумя крыльями, уносится прочь. Ноша почти невесома и совсем не мешает лететь. Через мгновение чудище становится пятнышком над холмами, а затем и вовсе исчезает из виду.

Вместе с ним пропадает и Аннад.

3. Роуэн принимает решение

— Надо немедленно отправиться в погоню за зверем и напасть на него там, где он приземлится.

— Нельзя оставлять деревню без охраны. Чудище может снова прилететь.

— Девочки больше нет. Ничего не поделаешь.

Роуэн оцепенел от отчаяния. Лёжа на земле, он будто издалека слышал знакомые голоса. Сара. Старая Ланн. Марли. Бронден. Роуэн встал на ноги и огляделся. Люди примчались, позабыв о празднике. Они стояли, оглушённые тем, что случилось. Их праздничные наряды растрепались от бега по густой траве. Но странное дело — в толпе не видать ни бродников, ни Жемчужника.

Лицо Джиллер было мертвенно-бледным, но она держалась очень прямо. Силач Джон стоял рядом, готовый её поддержать, но Джиллер привыкла во всём полагаться только на себя.

— Джиллер, что нам делать? — спросила Ланн.

— Ничего, — еле слышно выговорила Джиллер. — Ничего не поделаешь. Аннад погибла.

— Нет! — помимо воли вырвалось у Роуэна.

Джиллер посмотрела на него потемневшими от горя глазами.

— Роуэн, Аннад погибла, — повторила она. — Ты же видел, что произошло. Её больше нет.

— Мы... мы же не знаем наверняка, — запинаясь, сказал Роуэн. — Это был не дикий зверь, а... прирученный.

На мгновение все притихли, затем Ланн подковыляла к Роуэну.

— Что ты имеешь в виду? — строго спросила она.

— У него... у него был ошейник. Я видел. Из металла. С кольцом для цепи.

Ланн слушала его с недоверием. Морщины отчетливее, чем обычно, проступали на её лице, ведь она тоже очень любила маленькую Аннад.

Роуэн глубоко вздохнул.

— Я думаю, чудище прилетело из-за моря, — сказал он.

Все внимательно смотрели на него, но сам Роуэн чувствовал только взгляд мамы. Он покраснел, но заставил себя продолжать:

— Хранитель Кристалла предупреждал меня об опасности. И бродники тоже ощущали, что что-то неладно.

Шёпот пробежал по толпе.

— А ты, Роуэн? — безжизненным голосом спросила мама.

Роуэн сглотнул. Больше всего он боялся именно этого вопроса. Он опустил голову и через силу проговорил:

— Я... кое-что чувствовал. Вроде предупреждения. Но мне казалось... ещё есть время... — Его голос сорвался.

— И ты не сказал мне об этом, — без выражения проговорила мама.

— Я... я не мог. Не хотел портить праздник, — жалко оправдывался Роуэн.

Джиллер медленно кивнула. Затем она повернулась и пошла прочь.

Марли поспешила следом за ней, но Силач Джон остался на месте. Он положил руку на

плечо Роуэна. Лицо садовника посуровело, но голос был твёрд.

— Ты же не знал, что так случится, Роуэн, — сказал он. — Не вини себя. Пойдём домой.

Роуэн покачал головой. Он чувствовал, что без него маме будет лучше. В глубине души она никогда не сможет простить ему то, что он сделал. Вернее — чего он не сделал.

Джон помедлил. Затем он похлопал Роуэна по плечу и ушёл.

Толпа бурлила. Роуэн заметил Аллуна, стоявшего поодаль с непривычно строгим лицом.

— Если одна тварь прилетела из-за моря, кто знает, не прилетят ли за ней и другие? — сказал кто-то. — Надо вооружиться и подготовиться к бою.

К Роуэну подошёл учитель Тимон.

— Роуэн, может быть, ты знаешь что-нибудь ещё? — спросил он.

— Да мы и так всё знаем, — отрезала мельничиха Вэл. — Кто в силах приручить такого зверя? Кто может послать его на нас? Кто использует ошейники из железа, а не из кожи? Только зибак.

Это слово упало в толпу, словно камень в тихие воды.

— Зибак совсем недавно были разбиты в Водяной стране, — возразил огородник Бри. — Они понесли большие потери. Так быстро им не оправиться.

— Возможно, их предводители решили, что воевать на море слишком опасно, — предположил Тимон. — И они испытывают новый способ нападения — по воздуху.

Гневные крики раздались в толпе. Люди сжимали кулаки. Лишь самым старым жителям Рина довелось сражаться с зибак, но все видели картинки с кровавыми зибакскими воинами: у каждого из них красовалась чёрная полоса поперёк лба. В деревне ещё не изгладилось из памяти то, как предки нынешних ринцев впервые ступили на эту землю, будучи рабами зибак. И все как один были готовы сражаться за свою свободу.

Оглушённый гомоном, Роуэн снова взглянул в сторону Аллуна, но того и след простыл.

Старая Ланн постучала палкой о камень, и люди притихли.

— Мы ещё обсудим, что делать дальше, — твёрдо сказала она. — А сейчас надо убрать со столов и спрятать оставшуюся еду, чтобы ничего не пропало. Чует моё сердце, грядут тяжёлые времена.

Люди двинулись выполнять её распоряжение, но Роуэн стоял как вкопанный.

— Не сомневаюсь, что ты хотел как лучше, Роуэн, пастух букшахов, — хмыкнула Бронден. — Ты и все твои друзья — водяные люди и бродники. То-то, я вижу, они удрали при первых признаках опасности. В другой раз хорошенько подумай, если решишь утаивать что-нибудь от остальных.

Прежде чем Роуэн успел ей ответить, она ушла.

— Ваши люди не понимают, что у тебя на душе, — произнёс тихий голос в самое ухо Роуэна.

Это был Жемчужник. Вода стекала с него в три ручья.

— Я не хотел мешать вашему собранию, — пояснил он. — К тому же у меня кожа трескается, поэтому я просто лежал в Реке и слушал. Тот человек с умным взглядом... мне кажется, он рассуждал мудро.

— Это Тимон, — сказал Роуэн.

— Возможно, это всего лишь эксперимент, — продолжал Жемчужник. — Если так, то он увенчался успехом. Скоро зибак узнают, что их зверь побывал в Рине.

— Ты думаешь, он доставит Аннад в страну Зибак... живой? — пересохшими губами

вымолвил Роуэн.

— Да, — уверенно ответил Жемчужник. — Зибак всегда предпочитают брать пленников живыми.

Стоя на жарком солнце, Роуэн дрожал, будто промерз до костей. Он был исполнен горя и ужаса и думал только о том, что это он во всём виноват. Ведь он никому не сказал о своих зловещих предчувствиях. Он позволил Аннад пойти на луг и не успел вовремя добежать до сестрёнки и её спасти.

Жемчужник задумчиво смотрел на Роуэна.

— Ты очень печален, — наконец сказал он. — Чем я могу тебе помочь?

Внезапно Роуэн понял, что надо делать.

— Жемчужник, дай мне лодку, — попросил он. — Я вернусь вместе с тобой в Водяную страну, а оттуда отправлюсь к зибакам, найду свою сестру и привезу её домой.

— Мой друг, ты не сможешь этого сделать, — покачал головой Жемчужник. — Путь в страну Зибак полон опасностей. Если ты и доберёшься туда, то неминуемо разделишь судьбу своей сестры. Притом без всякой надежды на спасение.

Он обернулся и резко отпрыгнул, увидев, что за спиной у него стоит Звёздочка.

— Буксах чего-то хочет от тебя, — нервно проговорил водяной человек и отошёл в сторону.

Роуэн погладил шелковистую шерсть Звёздочки. Она прильнула к нему и жалобно замычала.

— Не плачь, — прошептал Роуэн. — Ты сделала всё, что могла. Просто Аннад тебя не послушалась. И ты хорошо защитила телят. Внутри круга они были в безопасности.

— Животное понимает твои слова? — удивился Жемчужник.

— Она понимает, что я имею в виду, — пояснил Роуэн.

Ноздри Звёздочки подрагивали. Она подняла голову и точно принялась к небу. На сей раз там не было тёмной тени, лишь жёлтое пятно виднелось в синеве. Постепенно пятно стало увеличиваться, и вскоре можно было разглядеть девочку, летевшую на большом воздушном змее.

Это была Зеел.

Звёздочка тихо фыркнула в ухо Роуэну. Он обернулся и увидел, что через поле к нему направляется Огден.

— Зверь уже успел далеко улететь, прежде чем мы добежали до нашего лагеря и запустили змея, — сказал он. — Боюсь, что Зеел потеряла его из виду. Её сигнал был невесёлым.

Роуэн не слышал никакого сигнала, да это и неудивительно. На больших расстояниях бродники переговариваются друг с другом при помощи камышовых дудочек, звук которых настолько высок, что различить его способны только люди их племени.

Зеел мягко приземлилась. Змей взметнулся у неё за спиной, а потом упал на землю. Девочка аккуратно сложила его и направилась к Роуэну. Её волосы спутались, лицо было хмурым.

Жемчужник наклонился к Роуэну.

— Роуэн, она не из бродников! — прошептал он. — Хотя у неё и нет полосы на лбу, но всё равно она зибак! Я же вижу.

Водяной человек потянулся к кинжалу, висевшему у него на поясе.

— Тихо, Жемчужник! — поспешно отозвался Роуэн. — Зеел — зибак по рождению. Но

в раннем детстве её унесло в море. Огден нашёл её и воспитал. Ей можно доверять. Поверь мне, она настоящая бродница.

Жемчужник опустил руку, но всё равно продолжал глядеть на Зеел с подозрением.

— Мне очень жаль, Роуэн, пастух букшахов, — приблизившись, сказала она. — Я не сумела догнать зверя. — Потом Зеел повернулась к Огдену. — Как ты и ожидал, зверь прямоком полетел к побережью. Сейчас он должен уже миновать прибрежные скалы.

Роуэн облизал пересохшие губы.

— Ты отправишься в погоню? — деловито спросила Зеел, набрасывая себе на плечи шёлк змея.

Роуэн кивнул.

— Дурацкая затея, — холодно проговорил Жемчужник. — Какой бы храброй ни была рыбка, в логове Змея она обречена.

— Рыбка будет не одна, — отрезала Зеел. — У Роуэна будут спутники. Люди из Рина...

— Нет, — поспешно перебил её Роуэн, чувствуя, что краснеет. — Я пойду один.

Зеел посмотрела на него с недоумением.

— Жемчужник даст мне лодку, — выпалил Роуэн, опасаясь, что Зеел тоже начнёт спорить. — А если бродники одолжат нам двух змеев с людьми, которые смогли бы доставить нас к морю, мы сэкономим много времени.

Жемчужник был готов энергично возражать, но Огден уже одобрительно кивнул.

— Тор может отправиться в Водяную страну, — сказал он. — Тор и...

— И я, —插вила Зеел.

— Что ж, решено, — слегка улыбнулся Огден.

— Дурацкая затея! — повторил Жемчужник. — Морской путь между нашей страной и страной Зиба крайне опасен. А если Роуэн чудом останется в живых и доберётся до берега, что он будет делать потом? Куда он пойдёт? Неизвестно.

— Я знаю, у кого надо спросить дорогу, — неохотно сказал Роуэн.

Но даже при мысли об этом ему чуть не стало дурно. Затем он заметил, что Огден с лёгкой усмешкой смотрит на него.

«Как глупо! — подумал Роуэн. — Впереди опасное путешествие, а я боюсь даже такой мелочи».

— Не так уж и глупо, — сказал Огден, и Роуэн понял, что сказочник прочитал его мысли. — Ты мудр, что не бежишь от своих страхов. А я с пользой употреблю время, которое уйдёт у тебя на встречу.

Он призадумался, поглаживая бороду, а затем посмотрел на небо.

— Мне надо идти, — промолвил он. — Зеел приведёт тебя в наш лагерь, когда ты будешь готов.

Он поклонился и ушёл.

Звёздочка ткнула носом Роуэну в плечо, и он погладил её в ответ.

— Я отправляюсь в далёкий путь, Звёздочка, — тихо произнёс он. — Если я не вернусь, люди назначат нового пастуха. Кого-нибудь доброго, ты не бойся. А пока что за вами будет присматривать мама.

Маленькие мудрые глаза Звёздочки смотрели очень печально, словно она понимала его слова и ей было очень грустно. Роуэн в последний раз потрепал её по холке, затем поспешно отвернулся и вместе с Зеел и притихшим Жемчужником направился к саду.

В тени шелестящих деревьев они медленно шли к уединённому жилищу. Роуэн боялся

даже думать о том, что его ожидает в стране Зиба. Но он понимал, что если ему и суждено отыскать Аннад, то подсказать, как это сделать, может только Шеба. Больше надеяться не на кого.

Подступы к хижине заросли странной бледной травой. Одинокая цепочка следов вела к двери.

— К мудрой Шебе уже кто-то пришёл, — заметила Зеел. — Скорее всего, это мужчина. Его поступь легка, как у бродника, но он обут в тяжёлые башмаки, которые носят у вас в Рине.

Роуэн подумал, что гостем Шебы может быть лишь единственный в Рине человек, который не станет отговаривать Роуэна от того, что он задумал.

Зеел и Жемчужник остановились, а Роуэн на цыпочках прошёл по траве, подкрался к двери и прижался к ней ухом. Изнутри донёсся громкий смех, и мальчик отпрянул назад, дрожа от страха и чувствуя себя совсем беззащитным.

— Заходи, мальнишка-зайчишка, — грозно проговорила Шеба. — Я тебя давно поджидаю.

4. Дар

Роуэн вошёл в хижину. Его глаза не сразу привыкли к царившему здесь полумраку. В комнате удушливо пахло дымом, пылью и целебными травами.

Шеба сидела спиной к двери. Она вытянула руки над огнём и потирала их, словно мыла в тусклых отблесках пламени. С другой стороны очага стоял посетитель. Как и ожидал Роуэн, это был Аллун. Лицо его побелело от гнева.

— С развлечениями у меня дела обстоят плоховато, — не оборачиваясь, проговорила Шеба. — Хныканье этого шута-полубродника меня как-то не развеселило. По собственной же глупости пропала сопливая девчонка. Да и братец у неё слабачок. Тьфу! Стоит ли огород городить! А теперь бродник приумолк и надулся, как ребёнок. От тебя, мальчишка-зайчишка, я ожидаю большего.

Шеба закудаhtала от смеха и растопырила костлявые пальцы, любуясь длинными желтыми ногтями, загибавшимися на концах, как когти.

Роуэн заставлял себя сохранять спокойствие, хотя слова Мудрейшей ранили его и будили в нём злость. Он знал, что Шеба всегда бьёт в самое больное место. Ей нравится смотреть, как люди сгорают от стыда, выходят из себя от гнева, а потом начинают бояться.

— Смотри, старая, твои шутки не со всеми проходят, — усмехнулся Аллун. — Мальчика ты этим не сломаешь.

«Молчи, Аллун! — в отчаянии подумал Роуэн. — Ты не понимаешь! Она ещё даже не начала над нами издеваться». Вслух он не вымолвил ни слова.

— Проваливай отсюда, хлебопёк Аллун, — прошипела Шеба. — Меня тошнит от твоей глупой рожи.

— Я тоже на тебя вдоволь насмотрелся, — мрачно ухмыльнулся Аллун. — Но Роуэна с тобой наедине я не оставлю.

Шеба презрительно фыркнула и вместе с креслом повернулась к Роуэну.

— Раз уж у нас тут общее собрание, — сказала она, оскалив чёрные зубы, — пусть твои приятели, что торчат под дверью, тоже войдут. Забавно будет посмотреть на них поближе.

Роуэн заколебался. Улыбка исчезла с лица Шебы.

— Тащи их сюда! — рявкнула колдунья.

Роуэн выглянул наружу и поманил Жемчужника и Зеел.

— Она хочет, чтобы вы вошли. Я уверен, что без вас она не станет со мной разговаривать, — прошептал он. — Но когда зайдёте, не говорите ни слова. И не пытайтесь...

— Мудрый совет! — донеслось из дома. — И не пытайтесь тягаться со мной умом. Заходите же!

Насупившаяся Зеел и как всегда невозмутимый Жемчужник вслед за Роуэном вошли в тёмную комнату.

— Ага! Теперь все в сборе, — сказала Шеба, с головы до пят оглядев вошедших. — Шут-полубродник и ринский слабачок, заделавшийся героем. А теперь ещё человек-рыба на суше и в придачу зибакская девчонка, притворяющаяся, что она бродница. Ну и компания у вас: все чудики и один странней другого!

Роуэн слышал, что Зеел сопит от гнева, и заметил, как Жемчужник бросил на неё предостерегающий взгляд и прикрыл глаза. Однако никто из них не проронил ни слова.

Аллун, к сожалению, не смог промолчать.

— Почтенная, ты позабыла про себя, — громко сказал он. — Ты страннее всех нас, вместе взятых.

Смех Шебы тут же оборвался.

— Запомни, шут, я никогда ничего не забываю, — угрожающе прошипела колдунья.

Воцарилась гнетущая тишина. Наконец Шеба вновь обратилась к Роуэну:

— Скажи-ка, Роуэн, пастух букшахов, какой подарок ты принёс для старой Шебы? Чем ты заплатишь мне за то, что я могу тебе поведать? Ведь, кроме меня, тебе никто не поможет. Подойди поближе. — Она снова неприятно улыбнулась.

— Осторожно, Роуэн, — прошептал Аллун.

С упавшим сердцем Роуэн выступил вперёд. Он совсем позабыл, что Шеба ожидает подарков. Роуэн только сейчас заметил, что у кресла стоит корзинка, которую явно принёс Аллун. В ней были медовая коврижка, фрукты и сласти с праздничного стола. В отчаянии Роуэн обшарил все карманы, тщетно надеясь, что там завалялось хоть что-нибудь стоящее. Шеба внимательно смотрела на него.

— Я... мне очень жаль, — наконец проговорил он. — Прямо сейчас у меня с собой ничего нет. Но то, о чём я хочу тебя спросить, — это крайне важно. Пожалуйста, помоги мне! Я тебе обязательно за это заплачу.

— Вот как! — В глазах Шебы блеснули отсветы пламени. — Обязательно, не так ли? А как, мой маленький герой, ты сумеешь это сделать, когда тебя закуют в цепи в стране Зиба?

Аллун издал протестующий возглас, но Роуэн не отрываясь смотрел на Шебу.

— Я напишу записку моей матери Джиллер, чтобы она исполнила моё обещание, — сказал он.

— И ты дашь мне всё, чего я ни пожелаю? — не унималась Шеба.

На мгновение Роуэн призадумался. Он понимал, что колдунья заманивает его в ловушку.

— Я дам тебе всё, что ты просишь, если это будет в моих силах, — пообещал он. — И если от этого не пострадают другие люди.

Он испытующе взглянул на Шебу, но та не выказала ни радости, ни разочарования.

— Тогда пиши, — велела она. — Перо рядом с тобой.

Роуэн увидел на низком столике рядом с креслом Шебы перо, чернила и лист бумаги и тут же понял, что колдунья подумала обо всём заранее. С опаской он опустил на колени и приготовился писать.

— Не верь ей, Роуэн, — предостерёг Жемчужник.

— Помолчи, человек-рыба, — мрачно приказала Шеба.

Роуэн опустил перо, коротко взглянул на колдунью:

— Шеба, сначала скажи то, что мне нужно знать, а потом я напишу.

Он постарался, чтобы его голос звучал твёрдо.

— Ты стал хитрым и дерзким, мальчишка-зайчишка, — ухмыльнулась Шеба. — Хитрым, как твой друг-рыба. Дерзким, как эта зибакская девчонка. И почём я знаю: вдруг ты убежишь прочь, как только я дам тебе то, что должна дать, и скажу то, что должна сказать?

Роуэн молчал, уставившись на чистый лист. Он чувствовал, как Шеба буравит его взглядом, но не поднимал глаз. Он знал, что стоит ему только посмотреть на неё, и он будет вынужден ей подчиниться.

Время словно застыло. Наконец послышался долгий вздох, и кресло заскрипело.

— Ну ладно, — проговорила Шеба.

Роуэн увидел, что она протягивает ему маленький свёрток, замотанный в промасленную ткань и туго перевязанный витым шёлковым шнурком. С бьющимся сердцем он взял пакет. Ткань была плотной, и от неё сильно пахло дымом и горькими травами. Что находилось внутри, на ощупь было не определить. Роуэн попытался развязать верёвку, но узлы на ней не поддавались.

— Они развяжутся, только когда ты будешь в нужном месте, — пояснила Шеба. — Используй содержимое лишь при крайней необходимости. Когда у тебя уже не останется надежды. А до тех пор храни, как самую большую ценность.

Дрожащими руками Роуэн спрятал свёрток за пазуху.

— Я дала тебе то, что должна была дать, — проговорила Шеба, — но остальное скажу только после того, как ты дашь мне обещание. Пиши.

Роуэн обмакнул перо в чернила и написал: «Мама, я должник мудрой Шебы. Дай ей...»

Он остановился и посмотрел на Шебу. Её глаза сверкали. С сухим шелестом она потирала руки.

— Чего ты хочешь? — прошептал Роуэн.

— Моя цена невелика, — ответила Шеба. — Мне нужен всего-навсего чёрный телёнок. Тот, что родился этой весной.

Роуэн похолодел. Букшахи очень привязаны друг к другу. Невозможно даже помыслить о том, что маленький чёрный телёнок должен будет расстаться с матерью и друзьями и всю жизнь провести здесь, в этом мрачном доме, в одиночестве, вдали от луга!

— Телёнок... слишком маленький. Его нельзя отрывать от матери... — запинаясь, вымолвил Роуэн.

— Я подожду. В ближайшее время мне скорее всего будет не до него.

— Зачем он тебе нужен? — отважился спросить Роуэн.

— Он мне приглянулся тем, что он странный, — снова ухмыльнулась колдунья. — Один во всём стаде, как и я. — Она подалась вперёд, и грязные спутанные волосы упали ей на лицо. — Как и твои друзья. Как и ты сам, Роуэн, пастух букшахов.

Слова ударили в самое незащищенное место. Роуэн опустил глаза.

— Может статься, буксах тебе дороже сестры? — не унималась Шеба. — Если да, то отдай мне свёрток и проваливай!

У Роуэна не оставалось другого выхода. С тяжёлым сердцем он дописал записку, встал и протянул её Шебе. Та поспешно схватила листок, внимательно пробежала по строчкам взглядом и удовлетворённо кивнула.

— Хорошо, — проговорила она, свернула письмо и спрятала его между подушками кресла. — Итак... вам тут больше делать нечего. Уходите! — коротко велела колдунья, обратившись к Жемчужнику, Аллуну и Зеел.

— Да мне и здесь неплохо, — попробовал отшутиться Аллун.

Глаза Шебы засверкали огнём.

— Пожалуйста, идите, — взмолился Роуэн.

Зеел и Жемчужник переглянулись. Зеел схватила Аллуна за руку, Жемчужник открыл дверь, и вдвоём они вывели Аллуна наружу. Дверь захлопнулась, и сам собой затворился засов. Маленькая комната казалась опустевшей. Чувствуя себя ужасно одиноким, Роуэн застыл у кресла Шебы.

5. Стихи

Не обращая внимания на Роуэна, Шеба нагнулась, вытащила из короба, стоявшего возле кресла, охапку тоненьких прутиков и бросила их в огонь. Прутики мгновенно вспыхнули красными и зелёными языками пламени. Мрачные тени, точно злые духи, заметались по комнате. У Роуэна мурашки поползли по спине.

— Дай руку! — неожиданно приказала Шеба.

Роуэн нерешительно протянул правую руку, и колдунья, оцарапав его ногтями, крепко вцепилась в запястье. Роуэн судорожно вздохнул и поднял голову. И тут же его глаза встретились с глазами колдуньи, глубокими-преглубокими и удивительно насмешливыми. Роуэн не мог отвести от них взгляда.

— Посмотрим, кто из нас сильнее, — заунывно проговорила Шеба.

Глубина её глаз казалась бездонной, а взгляд затягивал Роуэна, и он летел, падая вниз, вниз... Наконец, словно издавека, он услышал хихиканье Шебы. Роуэн напрягся, моргнул, и морок прошёл. Шеба хохотала, не выпуская его руку.

— Вот так. — С этими словами Шеба потянула руку Роуэна к огню. Пламя ярко вспыхнуло, обжигая пальцы.

С криком Роуэн рванулся прочь, но Шеба держала его железной хваткой, не обращая внимания на вопли. Запрокинув голову и закрыв глаза, она что-то бормотала себе под нос, раскачиваясь из стороны в сторону. Огонь взметнулся ещё выше, и колдунья заговорила. Роуэн слышал слова, доносившиеся сквозь пелену боли:

Странных пальцев ровно пять.
Не дано предугадать,
Что кому судьба готовит,
Чей удел других суровой.
До поры ответ сокрыт —
Пламя истину хранит.
Оживут цветные тени
В боли прежних поколений.
Пять ушли. Придут не пять.
Обратится злоба вспять.

Шеба открыла глаза, и Роуэн ощутил, что её хватка ослабла. Он вырвался и отпрянул от огня, прижав обожжённую руку к груди и рыдая от боли и страха. Он слышал, что снаружи в дверь неистово колотят.

Шеба в изнеможении откинулась на спинку кресла, однако у неё хватило сил рассмеяться:

— Ну что, мой маленький герой, тебе не понравился урок старой Шебы? Вот ещё один.

Боль поднялась гигантской непереносимой волной. А затем так же неожиданно исчезла, словно её и не было. Дрожа всем телом, Роуэн взглянул на свою руку. Он ожидал увидеть страшные ожоги, но кожа оказалась гладкой и неповреждённой. Он не верил своим глазам.

— Не все ожидания оправдываются, — хрипло проговорила Шеба. — А теперь... иди

отсюда, не то твои друзья-идиоты, того и гляди, разобьются в лепёшку, колошматя в мою дверь.

В Роуэне вскипел гнев. Его сердце чуть не разрывалось от возмущения. Но всё же он попытался взять себя в руки.

— Аллун! Зеел! Подождите! — закричал он, обернувшись к двери.

Грохот прекратился, и Роуэн снова посмотрел на Шебу.

— Ты так мне ничего и не рассказала, — вымолвил он, удивляясь спокойствию собственного голоса.

— Я рассказала тебе всё, что могла. Ты слышал стихи. Не забудь их, — пожала плечами Шеба.

— Но этого мало! — воскликнул Роуэн. — Ты не сказала, что мне делать в стране Зиба, куда идти и как спасти Аннад!

— Сам посуди, Роуэн, пастух букшахов, откуда мне это знать? — зевая, сказала колдунья. — Страна Зиба далеко. Слишком далеко, даже для меня.

Она закрыла глаза.

— Но... почему ты не сказала мне об этом прежде? — со слезами выпалил Роуэн.

— Ты же... не спрашивал, — улыбнулась Шеба.

— Ты меня обманула!

Роуэн бросился к колдунье, собираясь тряхнуть её за плечи, чтобы заставить говорить дальше. Но тут же огонь в очаге вспыхнул с бешеным треском и правую руку Роуэна пронзила нестерпимая боль.

Он отпрянул назад, и боль снова достигла высшей точки, а затем мгновенно утихла. Теперь Роуэн уже не осмеливался приблизиться к Шебе. Он беспомощно стоял посреди комнаты и с ненавистью смотрел на старуху, а та неподвижно лежала в кресле. Она спала, и её было уже не разбудить.

Роуэн вышел из хижины и сперва с удивлением, а затем с ужасом обнаружил, что уже темнеет. Он огляделся, не понимая, в чём дело. Они отправились к Шебе в самую жаркую пору дня. Как же могло пройти столько времени?

Затем он вспомнил, как огонь взметнулся красными и зелёными языками и Шеба схватила его за руку, а он смотрел в её глаза, глубокие и насмешливые...

Перед домом никого не было, и Роуэн подпрыгнул от неожиданности, когда из-за деревьев появились две тени. Но это оказались всего лишь Аллун и Зеел.

— Что она с тобой делала? — воинственно спросила Зеел.

— Ты так долго пробыл в её доме! И просто ужасно кричал от боли, — с озабоченным лицом проговорил Аллун.

— Ерунда, — сказал Роуэн, но от одного воспоминания о произошедшем его начала бить дрожь.

— Всё из-за того, что я её задираю. И почему я не мог придержать свой идиотский язык!

Роуэн покачал головой:

— Ты ни в чём не виноват. Она тебя специально изводила. Не надо было мне оставаться с ней. Она меня обманула! Из-за её колдовства я пробыл у неё гораздо дольше, чем собирался. И она почти ничего мне не сказала.

«И лучше бы мне не знать того, что она мне всё-таки поведала», — подумал он.

— А что ты узнал? — не унимался Аллун.

Роуэн нехотя прочитал стихи. И с каждым словом его рука всё сильнее пульсировала от боли. Аллун и Зеел слушали очень внимательно, но, когда Роуэн умолк, они с недоумением переглянулись.

— Все эти намеки про суровый удел не слишком приятны, — заявил Аллун. — И что это за цветные тени, которые должны ожить?

— Не знаю, — вздохнул Роуэн. — Я здесь вообще ничего не понимаю.

Он стал тереть глаза, пытаясь собраться с мыслями, и внезапно сообразил, что в саду не хватает ещё одного человека.

— А куда подевался Жемчужник? Нам надо идти.

— Он уже давно улетел вместе с Тором в Водяную страну, — ответил Аллун и устало улыбнулся, заметив испуг в глазах Роуэна. — Нет, не бойся, Жемчужник тебя не оставит.

— Когда мы вышли из дома, здесь нас поджидал Огден. Он сказал, что скорее всего ты пробудешь у Шебы довольно долго и Жемчужнику нет смысла терять время, — объяснила Зеел.

Роуэн расстроенно покачал головой. Зеел ободряюще положила ему руку на плечо.

— Огден придумал, как нам управиться побыстрее, — сказала она. — Я доставлю тебя на то место на берегу, над которым пролетело чудище, чтобы ты мог следовать прямо за ним. А Жемчужник тем временем пригонит туда лодку из Водяной страны.

— Да ведь там утёсы и скалы, — возразил Роуэн. — В Водяном городе — единственная спокойная гавань на всём побережье. Именно поэтому зиаки ни разу...

— Роуэн, мы обо всём подумали, — мягко сказал Аллун. — Не забывай, что Огден может повелевать ветрами. Лодка Жемчужника будет ждать нас в открытом море, в спокойных водах. Зеел и Митрен — он летает на белом змее — перенесут нас прямо туда.

Роуэн кивнул, пытаясь осознать то, что услышал. Много произошло за время, которое он провёл у Шебы. Его друзья продумали всё до мелочей. И тут он обратил внимание на одну странность в словах Аллуна.

— Нас? — переспросил он. — Аллун, ты сказал «перенесут нас»?

— Ну конечно, — беззаботно отозвался Аллун. — Мне ужас до чего любопытно посмотреть, что в том свёртке, который дала тебе Шеба. А его можно открыть только в стране Зиа. Вот я и решил отправиться туда вместе с тобой.

6. Во тьме

Всю дорогу до лагеря бродников Роуэн пытался отговорить Аллуна, но тот его и слушать не хотел, а весело шагал, смеясь и отпуская шутки, как будто ему действительно не терпелось пуститься в опасный путь лишь для того, чтобы узнать, что дала мальчику Шеба.

— Роуэн, от моего отца-бродника я унаследовал ужасное любопытство, — объяснял Аллун. — Бродники хотят знать всё, и, видимо, наполовину бродники от них ничем не отличаются. К тому же я не могу упустить такую редкую возможность — ещё раз полетать на воздушном змее. — При этих словах он хитро улыбнулся. — Вот Жемчужник считает иначе. Я ему сказал: «Жемчужник, я тебя не понимаю! Что может быть лучше вольного полета?» Но он весь позеленел и задрожал при одной мысли об этом.

Зеел молча шла позади. Она заговорила, лишь когда они вошли в лагерь и направились к месту, где их ожидал Огден.

— Тебе действительно не нужны спутники, Роуэн, пастух букшахов? — резко спросила она. — Колдунья сказала тебе, что ты добьёшься успеха, только если отправишься в страну Зиба в одиночку?

— Нет, — нехотя признался Роуэн, глядя себе под ноги. — Но... ведь это я виноват в том, что Аннад пропала. И это моя идея — отправиться следом за ней. В Рине все сочтут это бессмысленной затеей. А ещё... я не хочу, чтобы кто-то подвергнулся опасности из-за меня.

Зеел кивнула и остановилась.

— Раз так, — обратилась она к Аллуну, — то хватит дурачиться и прятаться, как улитка в раковине. Объясни ему, почему ты на самом деле отправляешься в путь.

Весёлая улыбка Аллуна дрогнула и исчезла. Его лицо стало серьёзным и грустным.

— Я, возможно, подвергнусь опасности, но вовсе не из-за тебя, Роуэн, — тихо сказал он. — Я с самого начала решил следовать за зверем. Как ты думаешь, зачем я пришёл к Шебе? По той же причине, что и ты: я надеялся получить совет, как мне действовать дальше.

Роуэн уставился на него в изумлении.

— Я лишь отчасти шутил, говоря о стремлении бродников узнавать новое, — пожав плечами, объяснил Аллун. — Это действительно для меня очень важно. Но мне близка и любовь жителей Рина к спокойной, размеренной жизни. Я не могу просто сидеть на месте, готовясь к обороне. Я должен выяснить, что замыслили зибакки. Иначе как мы будем растить детей, каждую минуту опасаясь, что их могут похитить?! Пойдём. Огден уже нас заждался.

Он быстро двинулся вперёд к ожидавшему их Огдену, рядом с которым стоял Митрен. За плечами Митрена висел белый змей, и юноша был готов к полёту.

— Аллун говорит о собственных детях, — шёпотом пояснила Зеел. — О детях, которые родятся, когда он женится на ткачихе Марли.

Внезапно Роуэн осознал, что, горя об Аннад, он напрочь забыл о будущем. Но теперь-то он видел, что Аллун прав. С сегодняшнего дня Рин перестал быть защищённым местом. В любой момент с неба на деревню могла обрушиться новая беда.

Они мчались сквозь мрак с помощью ветра, который вызвал Огден. Далеко внизу мигнули и погасли огни Рина, будто их поглотила тьма.

Роуэн не взял с собой ничего, кроме маленького свёртка, который дала ему Шеба. И ещё с ним были стихи и ужасное воспоминание о цене, которую он за них заплатил. Роуэн попрощался только со Звёздочкой. Маме он написал записку и попросил Огдена ей её

передать.

Он словно порывал со всеми, кого знал и любил, чтобы затеряться во тьме.

Краем глаза он заметил неподалеку беловатое мерцание. Это был змей Митрена, на котором летел Аллун, крепко привязанный к броднику, так же как сам Роуэн был привязан к Зеел. Но Аллуна и Митрена во тьме было не различить.

Лишь полотнище змея, то появлявшееся, то исчезающее из виду, показывало, что Роуэн и Зеел не остались в одиночестве.

Они летели уже много часов, и Роуэну оставалось лишь надеяться, что Зеел понимает, где они находятся, и правильно держит курс. Зеел ориентировалась по звёздам. Но звёзды — это всего лишь маленькие холодные точки, и одна ничем не отличается от другой.

Временами Роуэн погружался в дремоту, затем, вздрагивая, просыпался. И каждый раз в первое мгновение ему казалось, что он видел кошмарный сон, а теперь мирно лежит в собственной кровати. Но потом он замечал чёрное небо, чувствовал холодный ветер, и ему становилось понятно, что всё происходит наяву.

Он ни на секунду не мог забыть о стихах Шебы. Они горели в его мозгу, окрашенные воспоминанием о пронзительной боли.

Странных пальцев ровно пять.
Не дано предугадать,
Что кому судьба готовит,
Чей удел других суровой.
До поры ответ сокрыт —
Пламя истину хранит.
Оживут цветные тени
В боли прежних поколений.
Пять ушли. Придут не пять.
Обратится злоба вспять.

— Роуэн! Мы летим над побережьем! — Зеел старалась перекричать шум ветра. — Посмотри вниз.

Роуэн опустил голову и увидел, что вместо неподвижной земли внизу шевелится тёмная поверхность воды. Белые клочья пены взлетали над волнами, бившимися об утёсы. Он никогда прежде не бывал в этих местах. Здесь кончалась его страна и начинались неизведанные пространства.

Потом утёсы остались позади, и воздушные змеи уже парили над морем. Сперва вода вскипала и пенилась над огромными подводными скалами, но постепенно дно стало понижаться, и в удалении от берега волны стали гораздо спокойнее.

Однако только теперь Роуэн по-настоящему испугался. Ведь скоро ослабнет власть Огдена над ветром. А если ветер утихнет, воздушные змеи начнут снижаться и упадут в тёмную воду, которая так и кишит голодными чудищами. Они с Зеел крепко привязаны друг к другу, а сверху на них свалится огромное полотнище — как тут удастся выплыть? Роуэн и без того не слишком хорошо плавал, а бродники и вовсе не умели держаться на воде. Именно по этой причине Аллун...

Аллун! Внезапно Роуэн сообразил, что не видел белого змея с тех самых пор, как они

летели над утёсами. В отчаянии он стал поворачивать направо и налево, безуспешно пытаясь что-нибудь высмотреть в непроглядной тьме. От его резких движений змей вздрогнул и стал снижаться.

— Не вертись, Роуэн! Они летят за нами! — Ветер уносил слова в сторону. — Смотри вперёд.

Зеел сбалансировала змея и направила его к слабому огоньку, который она давно уже углядела в море, а Роуэн заметил только сейчас. Это был фонарь на лодке Жемчужника.

В одиночку Зеел могла бы приземлиться на качающуюся лодку с такой же легкостью, как если бы это была зелёная лужайка. Но после долгого полета ноги Роуэна затекли, и, едва коснувшись палубы, он тяжёло плюхнулся набок, увлекая за собой Зеел.

— Извини, — чуть слышно пробормотал он и попробовал подняться, но колени его подогнулись, и он снова упал. Лодка опасно накренилась.

Жемчужник на палубе чувствовал себя как на твёрдой земле. Он придержал Роуэна за плечи, и Зеел отвязала соединявшую их верёвку. Со смехом она сложила жёлтое полотнище змея и закинула его себе за спину. Затем она посмотрела на звёздное небо. Её глаза сверкали от возбуждения.

— Отойди назад, — велела она. — Митрен с Аллуном снижаются. Освободи им место.

С помощью Жемчужника Роуэн неуклюже перебрался поближе к мачте. Он крепко в неё вцепился и наконец смог встать на ноги. Затем он услышал возглас Зеел и поспешно обернулся посмотреть, в чём дело.

Задрав голову, Зеел стояла посреди палубы. Прямо над ней неподвижно парил белый змей Митрена. У Роуэна перехватило дыхание. «Что-то не так?»

— Почему Митрен не приземляется? — озабоченно спросил он у Жемчужника.

В то же мгновение сверху донёсся крик. Зеел подняла руки, и Роуэн с ужасом увидел, как от воздушного змея отделилась человеческая фигура и стала падать вниз. Нет... человек не падал, а медленно спускался сквозь темноту и наконец оказался в свете фонаря.

Это был Аллун, бледный, но решительный. Слово паук, он раскачивался на серебряной нити. Зеел стояла наготове и при первой же возможности подхватила его на руки.

— Всё в порядке, — глядя вверх, крикнула она, и тут же туго натянутая верёвка ослабла и упала на палубу и Зеел пошатнулась под тяжестью Аллуна.

Он выскользнул из её хватки и, как и Роуэн, сразу же повалился, стоило только его ногам коснуться палубы. Жемчужник бросился к нему на помощь, а Зеел, не шевелясь, продолжала смотреть в небо.

— До скорой встречи, Митрен! — крикнула она.

— До скорой встречи, Зеел, — донёсся сверху приглушённый голос.

Белый змей дернулся и, описав полукруг, помчался прочь.

Всё ещё опираясь о мачту, Роуэн с удивлением взглянул на Зеел, но она не сказала ни слова.

— Почему Митрен не захотел передохнуть перед дорогой назад? — спросил Роуэн.

— Он должен лететь как можно скорее, пока не иссякла сила Огдена, — объяснила она. — В этих местах ветры очень ненадёжные.

— А ты? — недоумевал Роуэн. — И как вернётся назад Жемчужник?

— Мы здесь, потому что сами этого хотели, — тихо сказал водяной человек.

— Мы решили, что нельзя отпускать вас с Аллуном одних, — добавила Зеел. — Мы отправляемся вместе с вами.

Сердце Роуэна застучало от радости.

— Мы действительно все как на подбор! Все чудики: один странней другого. — Аллун весело улыбнулся, хотя лицо его оставалось пугающе бледным. — Похоже, судьба и впрямь приготовила это дело для нас.

Странных пальцев ровно пять.

Не дано предугадать,

Что кому судьба готовит...

Роуэн тихо вскрикнул и сжал правую руку. Стоило ему вспомнить эти строки, как она запульсировала от боли.

Зеел взглянула на него и гордо подняла голову:

— Судьба ничего не предназначает. Мы сами всё для себя решаем. И нас четверо, а не пятеро. Не бойся, Роуэн, эти стихи не про нас.

— Разве что... — Роуэн облизнул пересохшие губы, — разве что есть ещё кто-то.

Лодка сильно накренилась, и он едва не упал за борт.

— Начинается прилив, и поднимается ветер, — ровным голосом проговорил Жемчужник. — Нужно поднять паруса и поскорее плыть вперёд. Иначе нас пригонит к берегу, и мы разобьёмся о скалы. Нельзя терять время.

7. Буря

Жемчужник вытащил три пробковых жилета: один для Аллуна, другой для Зеел, а третий для Роуэна.

— В них невозможно утонуть, — пояснил он. — Наши люди используют их при крушениях, если повредят себе руку или ногу и не могут сами плыть в бурных водах.

— Но у меня-то с руками и ногами всё в порядке, — вмешалась Зеел, неприязненно глядя на неуклюжий толстый жилет. — И я умею плавать. Зибакки выучиваются плавать раньше, чем ходить. Иначе как бы я сумела продержаться на воде, пока меня не прибило к берегу? Ведь Огден выловил меня не в открытом море.

— Может быть, ты и умеешь плавать, — едва заметно улыбнулся Жемчужник, — но не так, как водяные люди. А волны и запах ветра подсказывают мне, что в этом путешествии тебе надо будет плавать не хуже нас.

Тем временем Аллун и Роуэн с готовностью надевали жилеты. Зеел, чуть помедлив, последовала их примеру. Жемчужник удовлетворённо кивнул и занялся парусами.

Ветер крепчал, и паруса надулись. Много часов подряд лодка скользила по гребням волн с такой же лёгкостью и быстротой, с какой воздушные змеи бродников несутся по воздуху. Отдыхали все по очереди, но по-настоящему спать мог только Жемчужник. Остальные ворочались с боку на бок, лёжа в неудобных жилетах, и беспрестанное покачивание не убаюкивало, а, напротив, раздражало. Наконец рассвело, но солнце было скрыто за облаками, и — куда ни глянь — везде море набухало серыми волнами.

Жемчужник, Роуэн и Зеел перекусили вяленой рыбой и попили воды. Аллун ограничился только водой. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок. Ему явно нездоровилось, и с наступлением утра он почувствовал себя хуже. В конце концов он лёг на дно лодки, завернулся в одеяло и начал тихонько стонать.

Роуэн озабоченно склонился над ним.

— Я умираю, Роуэн, — слабо проговорил Аллун.

— Нет-нет, мой друг, — спокойно возразил Жемчужник, стоявший у руля. — Просто те, кто привык жить на суше, часто страдают от морской болезни. Говорят, это происходит из-за качки.

Роуэн расслышал, как, поправляя паруса, Жемчужник с лёгкой улыбкой бормотал себе под нос: «Не понимаю, что может быть лучше плавания под парусами?»

К середине дня Аллуну стало легче, а вечером он уже смог подняться на ноги и даже немного поесть.

— В жизни больше не буду смеяться над тем, что ты боишься летать, — пообещал он Жемчужнику. — Но только если ты поклянёшься, что больше никогда не потащишь меня в море.

Однако к этому времени весёлое настроение Жемчужника как рукой сняло. Он чувствовал, как прямо на них надвигается шторм. Тёмные угрюмые облака неслись так низко, что едва не задевали за мачту. Ветер усиливался. Гребни тяжёлых волн украсились белой пеной.

Наконец буря разыгралась в полную силу. Хлынул дождь, и лодка стала взлетать и опускаться на огромных валах. Безжалостный штормовой ветер рвал паруса.

Лодка неслась в абсолютной мгле. Ветер выл, волны бились в непрочные борта, и Роуэн

осознал, что его замысел отправиться в путь одному был не просто дурацкой затеей, но настоящим безумием!

Сам он никогда бы не смог управлять лодкой в бушующем море. На помощь Аллуна надеяться не приходилось, да и Зеел, невзирая на свою смелость и решительность, была не в силах что-нибудь предпринять. Но Жемчужник... Жемчужник был в своей стихии. Он родился на море и знал его, как никто другой. Не выпуская из рук руля, он командовал, какую верёвку надо ослабить, на какой борт перейти, какой парус поднять или опустить. Без Жемчужника они бы погибли в считанные минуты.

Но именно Жемчужник — единственный, кто по-настоящему изведаль силу моря, — был напуган сильнее всех. После долгих часов изнурительной борьбы со штормом он сказал, что надвигается беда.

— Мачта долго не выдержит! — прокричал он, стараясь перекрыть шум ветра. — Мы уже черпаем воду, а буря усиливается! Готовьтесь...

— Плавать?! — с ужасом воскликнул Аллун.

Он промок насквозь. Вместе с Зеел они изо всех сил тянули за трос, навалившись на борт, чтобы своим весом выровнять лодку...

— Да! — завопил Жемчужник. — Но не отчаивайтесь. Здесь море уже не такое глубокое — я это чувствую. Ветер гнал нас очень быстро. Скорее всего мы уже недалеко от берега, хотя и не в том месте, где я намеревался причалить.

— А где же? — спросила Зеел.

Но прежде чем Жемчужник успел ответить, мачта, не выдержав яростного порыва ветра, с тяжёлым треском сломалась и упала, в щепки разбив руль и сокрушив борт лодки. Огромная волна накатила на палубу, и над тем самым местом, где только что стоял Жемчужник, сомкнулись бушующие воды.

— Жемчужник! — закричал Роуэн, но в это время лодка накренилась и палуба ушла из-под его ног. Через мгновение он уже захлёбывался в тёмной ледяной воде.

Вокруг вздымались волны. Ослеплённый и оглушённый их ударами, Роуэн беспомощно барахтался, то и дело уходя под воду и в ту же секунду взлетая вверх, держась на плаву лишь

благодаря спасательному жилету. Задыхаясь и откашливаясь от попадавшей в рот воды, он из последних сил звал Аллуна, Зеел и Жемчужника. Но в ответ слышал только завывание ветра, грохот волн и пронзительный треск, с которым лодку разламывало на части.

Вдруг рядом что-то выплыло из темноты. Змея! Вне себя от ужаса, Роуэн с истошным воплем ринулся в сторону, глотая солёную воду. Он слепо отбивался, будто наяву видя перед собой скользкое извивающееся туловище и острые ядовитые зубы.

Затем его рука наткнулась на что-то твёрдое, и он сообразил, что перед ним вовсе не змея, а толстая доска от лодки. Роуэн вцепился в неё и, сделав невероятное усилие, вскарабкался наверх, так что теперь его голова и грудь покоились на твёрдой поверхности. На большее Роуэн был не способен. Прижавшись к дереву, задыхаясь и всхлипывая, он плотно закрыл глаза.

«Прости меня, Аннад», — подумал он и, словно бездушный обломок корабля, отдался во власть волн.

— Роуэн! Роуэн!

Голос доносился издалека, и Роуэну не хотелось отзываться.

Так славно было неподвижно лежать, слушая приятное тихое журчание, которое навевало дремоту. Действительность исчезла, и нечего было бояться, не к чему было стремиться. Но чья-то рука грубо трясла его за плечо, и голос звучал всё громче.

Роуэн поморщился и открыл глаза. Они опухли и слезились, и в первый момент он ничего не увидел.

— Очнулся! — раздался чей-то голос.

Откуда-то донеслись радостные возгласы. Постепенно к Роуэну вернулось зрение, и сквозь влажную дымку он разглядел склонившееся над ним лицо.

Жемчужник!

Роуэн попытался заговорить, но рот его пересох, а в горле саднило. Он прижал ладонь к шее и с трудом сглотнул.

— Жемчужник, — сипло произнёс он, — я думал, ты утонул.

— Мой друг, от меня так просто не отделаешься, — с улыбкой ответил Жемчужник. — Я уже было решил, что это ты утонул. И тут чудесным образом прилив вынес тебя, повисшего, словно ком водорослей, на доске из обшивки моей многострадальной лодки.

— Где Аллун и Зеел? — срывающимся голосом спросил Роуэн.

— Оба здесь, — ответил Жемчужник. — Отдыхают, исполненные жалости к самим себе. Они тоже наглотались воды, и это не пошло им на пользу. — Жемчужник беспокойно огляделся. — У тебя хватит сил, чтобы идти? — мягко спросил он. — Змеи часто охотятся вдоль берега, особенно после бури, когда на отмели барахтается лёгкая добыча.

Только теперь Роуэн осознал, что он лежит на мелководе, а Жемчужник поддерживает его голову, оберегая от небольших волн. Преодолевая боль, он с трудом поднялся на ноги и, опираясь на плечо водяного человека, пошёл к берегу.

Аллун и Зеел находились под прикрытием невысокой песчаной дюны. Они были бледные, мокрые и озябшие, но оба радостно заулыбались при виде Роуэна.

— Мы просто молодцы, — стуча зубами, пошутил Аллун. — Полумёртвые от холода, полуживые от усталости, выхлебали пол-океана да к тому же скормили все наши припасы рыбам.

— Главное, мы живы, — сказала Зеел. — Буря утихла. У меня есть кремень, чтобы

развести огонь. Ещё уцелел мой змей вместе с верёвкой, а у Жемчужника сохранились нож и фляга с водой. Наверняка мы где-нибудь неподалеку от того места, где собирались высадиться?

Она с надеждой взглянула на водяного человека.

Во взгляде Жемчужника читалось сомнение. Он ответил не слишком уверенно:

— Не так уж и близко. Но определённо мы в стране Зиба. Кажется, когда-то, плавая в море, я издали видел эти берега. Если это так, то пока что мы в безопасности, но... — Его голос дрогнул.

— Но что, Жемчужник? — спросил Роуэн.

Жемчужник покачал головой, отвернулся и принялся собирать куски дерева, вынесенные морем на песок.

— Ничего. Прав я или нет, мы узнаем на рассвете. — Он помолчал, а затем, улыбнувшись, посмотрел на своих спутников. — Сейчас важнее всего развести огонь. Вы замёрзли, промокли, лежите на холодном песке, поэтому можете заболеть. Я-то знаю, до чего бывают нежными теплокровные существа вроде вас!

Аллун и Зеел рассмеялись и принялся помогать Жемчужнику. Роуэну они велели оставаться на месте, да у него и не было другого выбора. Голова кружилась, поташнивало, и было больно дышать.

Зеел высекла искру и запалила сухую траву, затем добавила в огонь маленьких прутиков. Пламя разгорелось, и в него уже можно было подкладывать большие обломки дерева.

Мерцание огня, тепло и тихое потрескивание успокаивали, и понемногу Роуэн начал приходить в себя. И тут же его принялись осаждать мрачные мысли.

Лодки больше нет. Никто об этом не заговаривал, но всем и так всё было понятно: чем бы ни увенчались их поиски, придется ещё поломать голову, как им вернуться домой. Если, конечно, они останутся живы.

А что сейчас происходит с Аннад? Им хорошо, они отдыхают на этом странном берегу, а Аннад находится в лапах у зибакров. Совсем одна, в неволе. Кто знает, быть может, её мучают и она кричит от боли...

Роуэн старался об этом не думать. Он заметил, что до сих пор сидит в неудобном жилете. Снимая его, он почувствовал что-то за пазухой. Сердце у Роуэна забилось сильнее. Как же он мог забыть про подарок Шебы? Буря, крушение лодки и страх перед грядущим — до того ли ему было... Где уж тут помнить о подарках!

Дрожащими руками он достал свёрток.

8. «Странных пальцев ровно пять...»

Свёрток был насквозь мокрым, даже промасленная ткань не выдержала плавания в морской воде.

— Роуэн! Надо же, я напрочь забыл о подарке Шебы! — воскликнул Аллун. — Скорее посмотри, что она нам вручила. Может быть, там что-нибудь крайне необходимое!

— Да из него вода льёт, — хмуро сказала Зеел. — Наверняка всё внутри испортилось.

Роуэн развязал витой шнурок. На этот раз узлы подались сами собой. Затем он принялся медленно разворачивать ткань. Он ужасно боялся, что дар Шебы пришёл в негодность. Ведь больше надеяться было не на что. А за этот свёрток он пообещал Шебе чёрного телёнка...

Ткань была сложена во много раз, и поэтому содержимое оказалось гораздо меньше, чем ожидал Роуэн.

— Шеба хорошо упаковала свой подарок, — с сомнением в голосе проговорил Аллун.

— Лучше, чем можно было от неё ожидать, — без выражения добавил Жемчужник.

С замирающим сердцем Роуэн развернул последний слой ткани и наконец-то увидел, что в ней скрывалось.

Закопчённый кусочек металла. Маленький пучок бледной травы, которая росла вокруг дома Шебы. И несколько прутиков.

Роуэн ошеломлённо уставился на странные предметы. От разочарования слёзы навернулись ему на глаза.

— Что это значит? — недоумевала Зеел.

— Этого я и опасался, — сурово заметил Жемчужник. — Старуха нас обманула в отместку за то, что я посоветовал Роуэну ей не доверять. Ведь он меня послушал и отказывался писать записку до тех пор, пока она не выполнит своё обещание.

— Роуэн, она же дала тебе несколько палочек из коробки для дров и ещё добавила травы со двора и железку для тяжести! И всё аккуратно завернула, чтобы сбить нас с толку. — Аллуна трясло от возмущения. — Теперь понятно, почему она позволила развязать пакет, только когда мы будем вдали от дома!

— Она уверена, что мы не вернёмся, и, значит, не сможем спросить с неё за обман, — мрачно проговорила Зеел.

— И зачем я только... — тихо начал Роуэн.

— Ты не виноват, — перебил его Аллун. — Шеба заранее решила тебя одурачить. Не забывай, она приготовила свёрток ещё до моего прихода. Так что ни ты, ни Жемчужник, ни даже я — мы ни в чём не виноваты!

Аллун уставился на свои руки. И хотя он говорил спокойно, было видно, что он очень расстроен. Зеел и Жемчужник молча смотрели в огонь. Роуэн понимал, о чём они думают: «Один кремёнь. Одна фляжка. Верёвка. Нож. Как вернуться домой — неизвестно. Скоро рассвет. Куда нам идти? Что нам делать?»

— Есть же стихи, — вспомнил он.

— Да они ничего не значат, — горько бросила Зеел. — В них ничего не понятно!

— Не скажи, — серьёзно заметил Аллун. — Просто Шеба неправильно нас сосчитала. Я поразмыслил об этом и понял, что мы и есть те самые пять пальцев, хотя нас всего четверо. Зеел самая высокая — она средний палец. Жемчужник самый маленький — мизинец. Я ни на что не годный безымянный палец. А Роуэн — это большой палец, который

побуждает нас делать то, что мы должны.

При этих словах улыбнулся даже Жемчужник.

— Может быть, ты и прав, — тихо сказал он. — И может быть, ещё одна шутка Шебы заключается в том, что нам не хватает как раз указательного пальца. Того, который показывает, куда идти.

Зеел беспокойно ёрзала на месте. Наконец она встала, вытащила из огня пылающую головешку и, освещая ею дорогу, принялась подниматься по песчаному склону. Аллун последовал за ней, и вскоре они растворились во тьме. Только слабый огонёк мелькал наверху, перемещаясь из стороны в сторону. Это Зеел пыталась разглядеть окрестности.

— Не теряйтесь из виду! — крикнул Жемчужник. — Не уходите от берега!

— Скажи, Жемчужник, что это за земля? — тихо спросил Роуэн. — Почему ты так боишься?

— Я думаю, мы на краю Пустынных земель, — неохотно признался Жемчужник. — Толком я о них ничего не знаю. Говорят, они обширные и бесплодные. Они считаются частью страны Зиба, но сами зибаки не отваживаются их посещать. Это запретное место.

— Почему?

— Не знаю, — отвернувшись, пробурчал Жемчужник.

Тем временем из темноты показались Зеел и Аллун. Их факел почти погас.

— Роуэн, ты пока ничего не говори им об этом, — прошептал водяной человек. — Может, я ошибся. Очень на это надеюсь.

Аллун и Зеел сели у костра.

— Мы заметили на горизонте слабое свечение, — сообщила Зеел и швырнула остатки головешки обратно в костёр. — И ещё мы слышали отдалённые крики. Но слишком темно, даже деревьев не видно. Я собиралась запустить змея, чтобы понять, куда идти, но придётся подождать до рассвета.

— Да, — согласился Жемчужник. — На рассвете всё станет ясно.

Повисло тяжёлое молчание, прерываемое лишь шумом волн и треском огня.

Роуэн бросил один из прутиков Шебы в огонь, но он оказался слишком влажным и не загорелся. От него повалил серебристый пар, и Роуэн покачал головой. Он, как дурак, понадеялся на Шебу, а её прутики даже не горели. И как он мог попасться на её удочку? Зачем он только ей поверил?

«Потому что в конце концов всегда выяснялось, что её стихи имеют смысл», — внезапно подумал он.

Роуэн внимательно посмотрел на кусок металла, лежащий рядом с оставшимися четырьмя прутиками и пучком травы, взял в руки железку и поднёс её ближе к огню. Это была не просто какая-то болванка или обломок каминной решётки, как он подумал вначале. Грязный и неожиданно тяжёлый кусок металла оказался чем-то вроде... медальона.

Роуэн ощутил прилив надежды. Он принялся краем рубашки тереть медальон и, счистив с него грязь и копоть, обнаружил, что он украшен узором, а на одном из концов имеет отверстие. Очевидно, медальон носили на шее.

— Может быть, он на что-нибудь и пригодится, — нерешительно проговорил Роуэн.

Аллун протянул руку, и Роуэн отдал ему медальон, но сделал это весьма неохотно. Неожиданно он почувствовал, что не хочет с ним расставаться, и с беспокойством следил, как медальон переходит из рук в руки.

— Уж не талисман ли это? — озадаченно предположила Зеел. — Вдруг он принесёт

нам удачу?

Она передала медальон Жемчужнику и задумчиво уставилась на огонь.

— До сих пор он нам не слишком помог, — заметил Жемчужник и вернул медальон Роуэну. — Посмотрим.

Роуэн сжал гладкий металл в руке. Значит ли всё это что-нибудь или нет, он не знал. Но Шеба утверждала, что её дар бесценен. А медальон был единственной ценной вещью из всего, что она дала.

Поддавшись внезапному порыву, Роуэн взял витой шнурок, которым был перевязан сверток, и продел его в дырочку. Он крепко связал концы шнурка, повесил медальон себе на шею и спрятал его под рубашкой.

После этого он испытал странное облегчение. Точно тяжёлая ноша свалилась с его плеч: теперь медальон был защищён от взглядов.

«Но почему? — спросил он себя. — Если это талисман, то почему его нужно прятать? А если это всего лишь украшение...» Роуэн усмехнулся при мысли о собственной глупости.

— Роуэн!

Он не сразу понял, что это Зеел. Голос звучал сдавленно и приглушённо. Роуэн поднял глаза и замер. Зеел пятилась от костра, испуганно указывая на него рукой. Роуэн глянул на костёр. Прутик Шебы высох и горел ярким зелёным пламенем.

Аллун и Жемчужник вскрикнули от удивления, но Роуэн даже не посмотрел на них. В огне он увидел знакомое лицо с глазами, в которых плясали отсветы пламени.

Раздался голос. Словно огонь, он жёг Роуэна. В такт словам, раздававшимся у него в голове, правая рука начала пульсировать от боли.

Иди на свет из задней двери,
Покинув одинокий берег.
Но две беды в дороге ждут,
Путь днём и ночью стерегут:
Одна с небес, другая снизу.
В камнях дорога. Путь неблизок.

Голос умолк. Лицо исчезло. Зелёное пламя стало гаснуть. Роуэн закрыл глаза и глубоко вздохнул. Когда он вновь посмотрел на костёр, тот горел уже красно-оранжевым пламенем. От прутика остался лишь белый призрачный пепел.

Аллун, Зеел и Жемчужник оторопело смотрели на Роуэна.

— Что это было? — прошептала Зеел.

— Кажется, мы нашли пятого спутника, — стараясь говорить небрежно, произнёс Роуэн. — Указательный палец — это сама Шеба.

9. Пустынные земли

Роуэн повторил слова, которые явились ему в пламени, и на некоторое время все примолкли.

— Эти стихи понятнее первых, — наконец сказал Аллун, — но и они не предвещают нам ничего хорошего.

— Очевидно, свет, на который мы должны идти, — это сияние на горизонте, — предположила Зеел. — Наверняка это огни зибакского города, раз уж в стихотворении говорится о «задней двери». Но днём сияния не будет видно.

— Тогда отправимся прямо сейчас! — Аллун нетерпеливо вскочил на ноги.

Зеел покачала головой.

— Нельзя сломя голову бросаться в неизведанные земли, — возразила она. — У нас нет припасов, и мы понятия не имеем, что нас ждёт впереди. Там могут быть скалы, овраги или даже трясина, в которой мы увязнем. Всего через пару часов рассветёт. Лучше подождём.

— Нужно понять, что именно нам угрожает, — согласился Жемчужник. — В стихотворении прямо говорится, что путь будет тяжёлым и опасности будут подстерегать нас днём и ночью со всех сторон, даже с неба.

— Чудище, которое унесло Аннад, напало среди бела дня, — заметил Аллун. — И оно прилетело с неба. Если их здесь много... и они стерегут это место...

Голоса доносились до Роуэна будто издалека. Он до сих пор не мог прийти в себя от увиденного, и слова Шебы будили в нём самые дурные предчувствия. Нескончаемая усталость окутала его, словно тяжёлый туман. Роуэна неудержимо клонило в сон.

Стараясь сохранить ясность ума, он аккуратно завернул четыре прутика и траву в промасленную ткань и спрятал свёрток под рубашку. При этом он беспрестанно зевал, а глаза его так и слипались.

Жемчужник поднялся на ноги.

— Скоро начнёт светать, — проговорил он. — Из-за змей я не могу войти в воду, но пойду хотя бы полежу на влажном песке.

Он направился к морю.

— Жемчужник чем-то очень обеспокоен, — хмуро произнёс Аллун, глядя ему вслед.

— Ну ещё бы! — воскликнула Зеел. — Нам всем есть о чём поразмыслить.

— Ладно, раз уж мы остаёмся здесь до утра, я лучше буду размышлять с закрытыми глазами, как Роуэн, — сказал Аллун.

— Ты спи, а я вас покараулю, — отозвалась Зеел.

Больше Роуэн ничего не слышал.

Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко, а воздух потеплел. Роуэн виновато открыл глаза и так резко сел, что у него закружилась голова.

Он был совсем один рядом с потухшим костром. Волны с тихим плеском накатывали на берег. Небо было ярко-голубым, без единого облачка.

Роуэн услышал голоса и огляделся по сторонам. Зеел, Аллун и Жемчужник приближались со стороны моря. С них стекала вода, и в руках они что-то несли.

— Кое-что из наших вещей прибило к берегу, — издали крикнул Аллун. — Мы собрали всё, что смогли.

Жемчужник опередил остальных и первым подошёл к Роуэну.

— Ты отдохнул? — спросил он, выкладывая на песок сумку из рыбьей кожи и мокрое одеяло.

Роуэн кивнул. Ему было стыдно, что он так долго спал. Да как он вообще может спать, когда Аннад находится в страшной опасности?! И всё то время, пока он спал и видел сны, остальные работали и по своей доброте его не будили!

«И почему я всегда оказываюсь всем в тягость? — с тоской подумал он. — Не то что мои ровесники, другие ребята! Они сильнее меня, и любое испытание им по плечу. Ну почему я уродился таким слабым?»

Роуэн отвернулся, стараясь, чтобы водяной человек не заметил, как он расстроен.

Правду сказала Шеба. Он чудик, самый странный из всех, как чёрный телёнок в стаде букшахов! Люди хвалят его за то, что он сделал. Но никто никогда не похвалит его за то, какой он есть. Таких, как он, в Рине не уважают.

Роуэн слышал, что и в прежние времена в их деревне рождались тихие, застенчивые ребятки. Но уже то, что про них рассказывали истории, говорило само за себя: таких мальчишек всегда было очень мало. Всю жизнь они проводили в одиночестве, по большей части в компании букшахов. Странные, чудаковатые. Никто их не понимал, никто не проявлял к ним интереса.

Жемчужник посмотрел на Роуэна с тревогой:

— Мой друг, тебе нездоровится?

Роуэн покачал головой и с трудом улыбнулся подошедшим Аллуну и Зеел.

— Два пакета вяленой рыбы, — объявил Аллун, опуская находки на землю. — Ещё одна фляга и какой-то кекс — до того твёрдый, что даже в воде не размок! Или это кусок пробки?

— Это кекс из водорослей, — спокойно объяснил Жемчужник. — Мы используем такие кексы в дальних путешествиях. Он очень питательный и занимает мало места. Хорошо, что ты его нашёл. В Пустынных землях он обязательно пригодится.

С упавшим сердцем Роуэн понял, что его друзья уже разведали окрестности. Вот почему они выглядели такими весёлыми: они старались приободриться и не думать о предстоящих опасностях.

— Значит, ты был прав, — тихо сказал он Жемчужнику.

Жемчужник кивнул, стараясь не смотреть ему в глаза. Аллун и Зеел переглянулись, и Роуэн почувствовал, что они что-то скрывают.

Он с трудом поднялся на ноги и, не оглядываясь, стал взбираться на песчаный холм к тому месту, где ночью Аллун и Зеел вглядывались в темноту. Теперь Роуэн ясно увидел расстилавшуюся перед ним землю, и ужас пронзил его сердце.

Солнце ярко освещало бескрайнюю равнину. Роуэн вспомнил, как Зеел пожаловалась на непроглядный мрак, в котором было не различить даже деревьев. Неудивительно, ведь деревьев здесь и не было. Не было и кустов, вообще ни единого островка тени, где можно было бы укрыться от солнечных лучей. Лишь изредка на выжженной земле виднелись невысокие растения розоватого и золотистого цвета.

Гладкая глинистая земля была сплошь усеяна какими-то странными круглыми пёстрыми камнями. Волны жара поднимались с равнины, словно горячее дыхание. А далеко на горизонте что-то ослепительно вспыхивало, будто там находилось ещё одно солнце.

Прищурившись, Роуэн посмотрел на небо: ни единого облачка в сияющей голубизне. Не было и чудовищных птиц, высматривающих добычу. Только раскалённый добела солнечный диск обжигал на землю испепеляющие лучи.

Но две беды в дороге ждут,
Путь днём и ночью стерегут:
Одна с небес, другая снизу...

Аллун подошёл к Роуэну и опустил руку ему на плечо. Вид у него был очень серьёзный. Роуэн сглотнул.

— Беда из загадки, та, которая угрожает днём, — это солнце, — с трудом выговорил он.

— Скорее всего, — кивнул Аллун. — Поэтому мы и не стали тебя будить. Как только мы увидели эту проклятую равнину, сразу стало понятно, что днём её не пересечь. Ужасно жалко терять время, но мы сможем двигаться только ночью. Если отправиться в путь на закате и идти как можно быстрее, можно достичь города ещё до рассвета.

— А ночная опасность... — начал Роуэн.

— В чём бы она ни заключалась, всё лучше, чем испечься заживо, — перебил его Аллун. Он помрачнел. — Именно это с нами сейчас бы случилось, если бы мы поступили, как я предлагал. Жемчужник уже высох бы и умер, и мы скоро последовали бы за ним. И когда же, наконец, я поумнею?

Он отвернулся и стал спускаться вниз. Роуэн двинулся следом, потрясённый горечью его слов. Аллун так убедительно притворялся беззаботным шутником, что никому и в голову не приходило, что в глубине души он вовсе не столь уверен в себе, как это представлялось со стороны.

Тем временем Зеел и Жемчужник из палок, одеяла и воздушного змея соорудили навес. Они спрятались под ним от солнца и тихо переговаривались между собой.

Аллун и Роуэн тоже сидели в укрытии. Жемчужник снял с пояса нож, отрезал четыре небольших кусочка кекса и раздал их своим спутникам.

Роуэн с благодарностью принялся жевать. Он уже и не помнил, когда ел в последний раз, и хотя привкус водорослей был очень сильным, он не показался особенно неприятным. Зеел с подозрением осмотрела свой кусочек и нехотя стала его грызть. Аллун притворился, что возмущён.

— Как известный в округе хлебопёк, я никак не могу согласиться с тем, что ты, Жемчужник, называешь это кексом, — надменно заявил он. — Если мы будем питаться только этим, то к концу недели превратимся в тощих рыбёшек.

— Лучше быть тощей рыбёшкой, чем умереть с голоду, — хмыкнул Жемчужник. — Впрочем, как знаешь.

Сам он ел с удовольствием, стараясь не потерять ни одной крошки, а затем сделал глоток из фляги.

— Попейте, — сказал он, — но только немного. У нас мало воды.

Аллун хмуро кивнул и, сморщив нос, принялся за еду. Жемчужник слегка улыбнулся и выполз из-под навеса.

— Отдыхайте здесь, а я пойду полежу в воде, — пояснил он. — Тогда я буду готов отправиться в путь на закате. Приятных снов.

Роуэн подождал, пока улягутся Зеел и Аллун, затем вылез из укрытия и пошёл вслед за Жемчужником. Тот стоял на берегу, глядя на сверкающее море.

— Жемчужник, тебе нельзя странствовать по Пустынным землям, — без лишних слов сказал Роуэн. — Что, если утро застанет нас в пути? Там не будет тени и не хватит воды,

чтобы смочить твою кожу. Жемчужник, ты же погибнешь!

— Мне в любом случае грозит опасность, — ответил Жемчужник. — На берегу нет пресной воды для питья. А если я попытаюсь вернуться вплавь, ночью меня съедят змеи. Я тщательно обдумал этот вопрос и решил, что если уж мне суждено умереть, то пусть это произойдёт среди друзей, а не в одиночестве. Человек-рыба на суше — таким я отправился в путь. Таким я его и закончу.

Роуэн попытался заговорить, но горло его сжалось.

— Роуэн, не жалею, что я пошёл вместе с вами, — улыбнулся Жемчужник. — Без меня вы давно бы уже погибли в море. Мне был назначен такой удел, и я исполнил свою роль. Как это ещё предстоит Аллуну и Зеел, да и тебе самому. — Он вошёл в воду и лег на отмели. — Но я не собираюсь умирать раньше времени, — закрыв глаза, проговорил он. — Роуэн, пойдёшь отдохни. Наберись сил. Кто знает, что нас ждёт впереди?

10. Ночная опасность

Незадолго до заката, когда пылающее алое солнце уже опускалось за горизонт, четверо путников отправились в путь. Небо приобрело красный оттенок, и даже горячий воздух, поднимавшийся над плоскими камнями, казался розоватым.

Они шли быстро, склонив головы, чтобы солнце не слепило глаза, и внимательно смотрели себе под ноги, на камни, составлявшие здесь сплошную поверхность без единого клочка земли.

— В стихах говорится, что путь будет долгим и каменистым, но почему нас не предупредили о раскалённых камнях? — пожаловался Аллун. — Они как противни, и похоже, мы вот-вот испечёмся.

— Скоро жара спадёт, — заметила Зеел, — и станет очень холодно. Так бывает всегда на больших открытых пространствах.

— Рад это слышать, — не оборачиваясь, проговорил Жемчужник.

Он вырвался вперёд и почти бежал, надеясь поскорее достичь менее каменистой земли. Водяной человек укрыл голову и плечи влажным одеялом, чтобы защититься от слабеющего зноя.

— Возможно, днём солнце угрожает нам сверху, а ночью холод будет терзать нас снизу, — предположил Аллун.

— С холодом мы справимся, — решительно сказала Зеел. — Мы прижмёмся друг к другу и завернёмся в змея. Мы с Тором и Митреном раньше часто так поступали...

При этих словах её голос дрогнул, а выражение лица стало подавленным.

«Зеел скучает по бродникам, — догадался Роуэн. — Она вспоминает Огдена и думает о том, удастся ли ей когда-нибудь вместе с Тором и Митреном полетать над зелёными просторами или походить босиком по траве. И о том, вернётся ли она домой».

Зеел хмуро смотрела на серебристые вспышки в алом небе зибакского города.

«Когда-то этот город был её домом, — внезапно подумал Роуэн и сам испугался своих мыслей. — Как просто позабыть, что Зеел родилась не среди бродников, а в стране Зиба. Помнит ли она что-нибудь из раннего детства? Может быть, как раз сейчас она предаётся воспоминаниям. Весёлые они или грустные?»

— Ну наконец-то закончились эти проклятые камни! — воскликнул Аллун, и Роуэн очнулся от размышлений.

Действительно, густая россыпь камней уступила место растрескавшейся глине, местами поросшей травой. Впереди было ещё предостаточно круглых пёстрых камней, но обойти их ничего не стоило.

Жемчужник уже дошёл до начала глинистой земли, оглянулся, с облегчением улыбнулся своим спутникам и сделал шаг вперёд.

И тут же с испуганным возгласом взмахнул руками и исчез из виду.

— Жемчужник! — завопил Роуэн, но едва слышал свой голос, да и голоса Аллуна и Зеел, потому что в ответ на их крики вся равнина закричала и зашевелилась.

Круглые камни ожили. Они взлетали вверх, расправляя пёстрые чешуйчатые крылья, и беспорядочно носились в воздухе, а на тех местах, где они лежали, громоздились плоские каменные плиты. словно огромная стая отвратительно раздутых беспёрых птиц, существа с пронзительными криками суеились в воздухе. А из-под земли раздавался совсем другой

звук — ужасающий скрежет, от которого кровь стыла в жилах.

Зеел уже добежала до края ямы, в которую упал Жемчужник, и склонилась над ней.

— Он здесь! Сюда! — закричала она и протянула ему руку.

Затем скрежещущий грохот послышался снова, на этот раз гораздо громче, и Зеел завизжала от ужаса:

— Аллун! Скорее! Помоги!

В воздухе кружились уже тысячи летающих существ, так что Роуэн не мог разглядеть, что происходит на краю ямы. В отчаянии он рванулся вперёд, прикрывая глаза руками. Чешуйчатые уродцы врезались в его голову и плечи, цеплялись коготками за одежду и волосы и неистово верещали. С содроганием Роуэн пытался отбиться от них.

— Роуэн! — надрывался Аллун. — Сюда!

— Я не удержу его! — рыдающим голосом звала на помощь Зеел. — Он его схватил! Я не могу!..

Роуэн вслепую нёсся на крики. Наконец он добежал до Аллуна, который, вцепившись в Зеел, распростёрся на камнях и изо всех сил тянул её на себя. Зеел наполовину скрылась в расщелине. Роуэн мгновенно сообразил, что произошло. Жемчужник упал в подземный тоннель, находившийся под тонким слоем глинистой почвы.

Жемчужника Роуэн заметил не сразу, но потом понял, что Зеел крепко вцепилась в лодыжки водяного человека, когда он чуть было не исчез во мраке тоннеля. Она пыталась вытащить Жемчужника наверх, но что-то с неимоверной силой влекло его в другую сторону.

— Я не удержу его! — вновь закричала Зеел.

— Роуэн! Помоги! — просил Аллун.

Роуэн словно окаменел. Он просто не знал, что делать. Он мог ухватиться за Аллуна и попробовать помочь ему вытянуть Зеел. Мог прыгнуть в яму и вместе с девочкой попытаться освободить Жемчужника. Но он отлично понимал, что это ничего не изменит. Он способен собрать все свои силы в единый рывок, но этого будет мало.

Внезапно Зеел резко дёрнулась вперёд, и Аллун подался за ней следом.

— Роуэн! — прохрипел он, отчаянно стараясь удержать Зеел.

Земля вокруг ямы тряслась. Похоже, подземное чудище бушевало от ярости. Глина трескалась, ясно очерчивая границы тоннеля и длинный изгибающийся облик его обитателя. Послышалось низкое рычание, от которого кровь стыла в жилах. Земля продолжала раскалываться. Пёстрые летающие существа в панике мельтешили ещё быстрее, чем прежде. Их крылья били Роуэна по лицу, заставляя опустить голову, так что перед глазами у него оказались камни, лежавшие у ног.

Камни...

— Роуэн!

Всего лишь одно усилие...

Едва отдавая себе отчёт в том, что он делает, Роуэн наклонился и выворотил из земли большой камень. С огромным трудом он поднял его и изо всех сил швырнул на растрескавшуюся землю.

— Аллун! Зеел! Тяните! — в тот же миг закричал он.

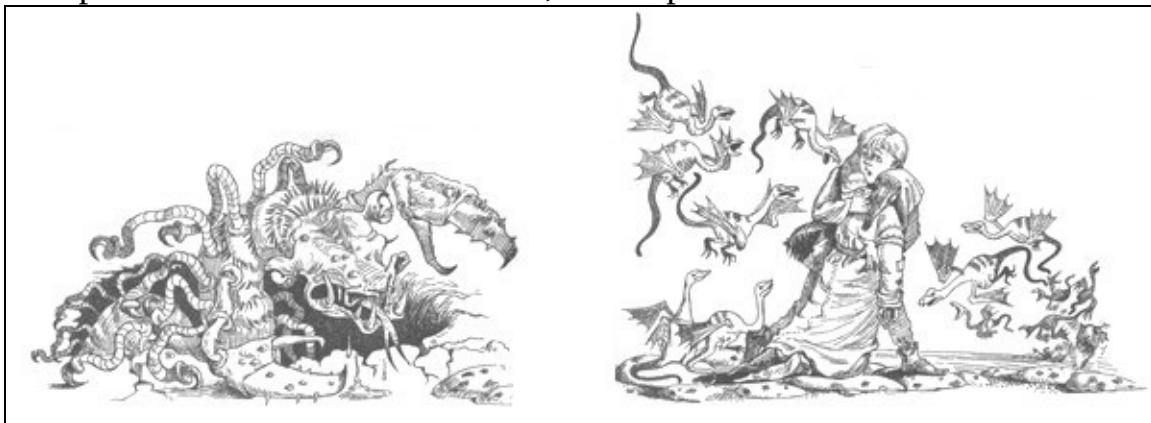
Камень пробил тонкий слой глины и глухо врезался в обитателя тоннеля.

Раздался ужасный вой, земля начала вздыматься, и внезапно Аллун резко откинулся назад, вытянув за собой Зеел. А вместе с ней, словно пробка из бутылки, на поверхность выскользнуло безвольное тело Жемчужника.

— Скорей! Бежим! — вопил Роуэн, помогая вытащить водяного человека на твёрдую поверхность.

Они едва успели отступить на несколько шагов, как камень, который бросил Роуэн, снова взлетел в воздух, окружённый клубами пыли. И вот уже с яростным рыком чудище выскочило из тоннеля и бросилось в погоню за беглецами.

Огромные искривлённые клешни смыкались и размыкались, со свистом разрезая воздух. Тёмно-красные сочленения безобразного тела дрожали при каждом движении. Бесчисленные крошечные лапки изгибались, как черви.

Зеел пронзительно визжала, и этого визга Роуэн испугался сильнее, чем рёва чудища. Подхватив Жемчужника, они, не разбирая дороги, сломя голову бросились бежать по камням, каждую секунду ожидая услышать рычание настигающего зверя.

Но сзади не доносилось ни звука. И когда они оглянулись, то увидели только алое небо и равнину, над которой беспорядочно кружились летающие существа.

Зеел, обхватив голову руками, с рыданием повалилась на камни. Роуэн и Аллун осторожно положили Жемчужника рядом с ней. Водяной человек был весь облеплен грязью. Глаза его были закрыты. Аллун приложил ухо к его груди, и Роуэн замер. Через секунду Аллун поднял голову, с облегчением кивнул, достал флягу и смочил губы Жемчужника водой.

— Жемчужник, всё обошлось, — сказал он. — Ты слышишь? Чудищу досталось только твоё одеяло.

Жемчужник медленно открыл глаза и испуганно огляделся.

— Змея! — прошептал он.

— Нет, — с содроганием молвила Зеел. — Это ишкин.

Аллун и Роуэн непонимающе посмотрели на неё. Даже под слоем грязи было видно, как побледнело лицо Зеел. Она дрожала всем телом. Никогда ещё Роуэн не видел храбрую девушку такой испуганной.

— Зеел, ты помнишь его, — внезапно сообразил Роуэн.

Зеел облизнула пересохшие губы.

— Я... помню картинку, — хрипло проговорила она. — Ужасную... Мне показывали её... когда я плохо себя вела. Я совсем про неё забыла. Но теперь, как только увидела... — Её голос дрогнул, но Зеел заставила себя продолжить: — Они все показывали на меня пальцами и хором читали стихи. Я их помню. Мне было так страшно. Вот они:

Ты не слушаешься маму,
Ты не слушаешься папу.
За тобой придёт злой ишкин

И утащит в свою нору.
Будешь ты кричать и плакать —
Не придём к тебе на помощь.
Ишкин голову откусит,
Мясо съест, а кости бросит.

У Роуэна волосы встали дыбом. Что же это за люди, которые так пугают собственных детей, да ещё совсем маленьких! Ведь Зеел попала к бродникам, когда ей было не более двух лет.

Зеел сжала руки, стараясь унять дрожь, и вымученно улыбнулась.

— Это всего лишь детские стишки, — сказала она. — Как глупо их бояться!

Но она всё никак не могла успокоиться.

Роуэн и Аллун переглянулись.

— Не так уж и глупо, — возразил Аллун. — Теперь, когда я увидел ишкина собственными глазами, мне совсем не хочется вновь повстречаться с ним.

— Он здесь не один. — Зеел зажмурила глаза. — Их много. Многие тысячи. Земля ими так и кишит.

Жемчужник и Зеел остались отдыхать, а Роуэн и Аллун вернулись к краю каменистой поверхности. Солнце уже скрылось за горизонтом, и взошла луна. Вокруг было очень тихо. Пёстрые летающие существа неподвижно громоздились на каменных плитах.

— Похоже, ишкин обычно не вылезает наверх, — заметил Аллун. — Он ждёт, пока добыча сама провалится под землю. Поэтому эти летучие чурбаны спокойно чувствуют себя на камнях.

— Не понимаю, почему их так много, — проговорил Роуэн, окидывая взглядом странный пейзаж. — Они похожи на ящериц, но здесь не видно насекомых или кого-нибудь ещё, кем бы они питались. И траву они не едят. Как же они живут?

В это время несколько ящериц затеяли драку. Одна неуклюже взлетела в воздух, другой посчастливилось меньше, и она рухнула на землю.

И тут же земля разверзлась. Раздалось рычание, и с пронзительным визгом ящерица исчезла во тьме. Другие ящерицы тоже завизжали, а затем, успокоившись, расселись по местам.

Роуэн с отвращением отвернулся.

— По крайней мере, теперь понятно, чем питаются ишкины, — заметил Аллун. — Должно быть, вся равнина испещрена их тоннелями. Ты только посмотри...

Он указал на место, где всего полчаса назад они отчаянно спасали Жемчужника. Провал уже был заделан, и земля выглядела такой же ровной, как и прежде.

— В стихотворении говорится: «В камнях дорога, путь неблизок».

Роуэн снова взглянул на равнину, на её обманчиво твёрдую поверхность с островками чахлах растений и на плоские валуны, усеянные летающими тварями.

— Может быть, по камням... — начал он.

— Да, — кивнул Аллун. — Раз камни — единственное место, где эти твари чувствуют себя в безопасности, нам придётся последовать их примеру. Только мы станем ящерицами без крыльев. Мы будем прыгать с камня на камень и так пересечём эти проклятые

Пустынные земли. — Он глубоко вздохнул. — Ладно, Роуэн. Будь что будет. Зови Зеел и Жемчужника. Пора трогаться, если мы хотим попасть в город до рассвета.

11. Путь к стене

Роуэн молчал. Ему было жутко от одной мысли о предстоящем путешествии. Любой неудачный прыжок будет последним. Ишкин всегда наготове. Возглас — и человек мгновенно исчезает в тёмном провале.

В ушах у Роуэна всё ещё звучал обречённый крик летучей ящерицы, а в голове крутились строчки, которые прочитала Зеел:

Будешь ты кричать и плакать —
Не придём к тебе на помощь.
Ишкин голову откусит,
Мясо съест, а кости бросит.

У него начинал болеть живот при одном воспоминании об ишкине, о щёлканье его исполинских клешней и скрежете, с которым когти зверя скребли землю.

Однако он понимал, что Аллун прав. Им необходимо пересечь равнину, и другого способа сделать это попросту нет.

— Жемчужник ослабел от испуга, — наконец выговорил Роуэн. — А Зеел... она ужас до чего боится.

— Но нам-то с тобой, я надеюсь, нисколько не страшно? — строго спросил Аллун, глядя мальчику прямо в глаза.

Роуэн с недоумением посмотрел на него.

— Пойми, Роуэн, страх сковывает, делает нас неуклюжими, — уже мягко начал объяснять ему Аллун. — Поэтому мы должны притворяться уверенными в себе, даже когда чувствуем себя совсем иначе. Надо притворяться — да так, чтобы самому в это верить. — Тут он привычно усмехнулся и похлопал Роуэна по плечу. — Я, во всяком случае, привык притворяться. Я занимаюсь этим всю жизнь и замечательно научился валять дурака, скрывая свои истинные чувства. Теперь у меня есть возможность применить свой опыт на практике.

Много часов подряд, следуя друг за другом под холодным лунным светом, они прыгали с камня на камень, зигзагами пересекая равнину. Аллун шёл первым. Он мгновенно определял, куда делать следующий прыжок, и старался, чтобы тот был несложным и по возможности не уводил в сторону. Сияние на горизонте медленно, но верно приближалось.

Поверхность равнины то и дело вскипала. Это ишкины обретали очередную добычу. Бесчисленные летучие ящерицы, которых Аллун прозвал чурбанами, постоянно ссорились и вступали друг с другом в драки, которые неизменно заканчивались одним и тем же. Но Аллун не смотрел по сторонам. Его взгляд был устремлён вперёд. Перед тем как покинуть твёрдую землю, он предусмотрительно наполнил карманы маленькими голышами и теперь швырял их в тварей, сидящих на каждом следующем камне.

— Дорогу, чурбаны! Дорогу! Смотрите, кто идёт! — выкрикивал он.

Ящерицы с недовольным верещанием вспархивали в воздух, и Аллун тут же прыгал на освободившуюся поверхность. Затем он выбирал место для нового прыжка, бросал очередной камешек и так продвигался вперёд.

И всякий раз он, не оглядываясь, что-нибудь говорил Жемчужнику, Зеел и Роуэну,

которые двигались следом за ним. Его голос заглушал рёв ишкинов и отчаянный визг гибнущих ящериц. Аллун не умолкал ни на минуту. Он подбадривал своих спутников, подшучивал над ними, а когда не знал, что сказать, насвистывал и даже пел.

— С детства обожаю танцы! — восклицал он. — И наконец-то у меня есть возможность вдоволь поупражняться в этом искусстве.

Иногда во время очередного прыжка он неуклюже размахивал руками, стараясь выглядеть как можно смешней. А в другой раз читал сочинённые на ходу нескладные стишки про лягушек и с кваканьем прыгал, вызывая улыбку у своих друзей.

Он загадывал загадки, переделывал известные изречения и придумывал несурзные истории про общих знакомых. Под конец он охрип от крика.

Когда они останавливались, чтобы сделать короткую передышку, Аллун горланил песни, заставляя остальных подпевать. А если никто не подтягивал ему в такт, он принимался язвить по поводу перепонки на руках и ногах Жемчужника, называл Роуэна мальчишкой-зайчишкой и поражался никчёмности Зеел, которая не умеет летать на воздушном змее в отсутствие ветра.

Глупая болтовня непереносимо раздражала, но Роуэн понимал, что она спасает им жизнь и помогает забыть о страхе, заставляет смотреть вперёд, не обращая внимания на леденящий душу вой ишкинов. Без Аллуна его спутники не смогли бы передвигаться так легко и свободно, не думая о том, что их ждёт при любом неудачном прыжке. Поэтому Роуэн изо всех сил старался не уступать Аллуну в остроумии, огрызался на его ехидные выпады и пел песни, хотя ноги у него дрожали от усталости и каждый прыжок казался последним. Зеел и Жемчужник делали то же самое.

Так час проходил за часом, луна опускалась всё ниже, а сияние на горизонте разгоралось всё ярче.

Перед рассветом темнота сгустилась, но в то же время Роуэн внезапно понял, что двигаться стало гораздо легче. Валуны громоздились повсюду, а кое-где даже соприкасались краями. Вскоре уже не надо было прыгать. Роуэн просто перешагивал с одного камня на другой.

Число летучих ящериц тоже возросло. Они густо заполняли собой всё вокруг, облепляли каждый камень и пронзительно вопили, затеявая нескончаемые драки. И с каждым шагом их становилось всё больше.

«Уж не преследуют ли они нас? — озадаченно подумал Роуэн, с трудом прокладывая дорогу среди кишящих тел. — Похоже, так оно и есть. Но прежде они этого не делали. Не связано ли это с тем, что мы приближаемся к городу?»

Теперь уже можно было понять, что сияние, которое они видели издалека, исходит от возвышающейся над городом башни. Рядом светились огоньки поменьше. Их было немного, и они вытягивались в цепочку, под которой угадывалась тёмная высокая стена.

Только сейчас Роуэн сообразил, что, пересекая Пустынные земли, он и думать забыл о том, что делать дальше. Но теперь, когда город был рядом, этот вопрос нельзя было откладывать на потом.

«Как же мы сможем отыскать Аннад в таком большом городе? И как нам её освободить? А вдруг нас обнаружат?»

— Давайте остановимся и кое-что обсудим, — спокойно предложил Аллун.

На этот раз он говорил тихо, ведь город был уже близко и мало ли кто мог их услышать, хотя трудно было себе представить, что зибакки опасаются нападения со стороны Пустынных

земель и выставляют здесь караул.

Действительно, это была «дверь» в город с чёрного хода.

С облегчением путники расселись кругом, каждый на своём валуне. Они перекусили и сделали по большому глотку воды. Они могли себе это позволить: как-никак они пересекли Пустынные земли!

Тем временем вокруг них собралась целая туча летучих ящериц.

— Что им от нас надо? — раздражённо отмахиваясь, спросила Зеел. — Они как будто нам назло слетелись сюда со всей равнины.

— Вообще-то от них есть и польза, — заметил Аллун. — В этой толпе нас никто не увидит и не услышит.

Жемчужник посмотрел на небо и смочил водой лицо и руки. Роуэн взглянул на него с беспокойством. Водяному человеку было нехорошо. Ему следовало бы отдохнуть и полежать в воде. А ведь совсем скоро рассветёт. Солнечный шар выкатится из-за горизонта и начнёт раскалять землю и воздух.

— Что будем делать? Попробуем перелезть через стену или пойдём вдоль неё в поисках ворот? — спросил Роуэн.

— Ворота могут быть отсюда очень далеко, и мы даже не знаем, в какую сторону идти, — твёрдо сказала Зеел. — К тому же там наверняка стоят часовые. Быстрее и безопаснее перелезть.

— Для Жемчужника и... для Роуэна это не быстрее и не безопаснее, — покачал головой Аллун.

— Да и для тебя самого, хлебопёк Аллун, — заметила Зеел, словно оплачивая Аллуну за то, как он изводил её долгую ночь. — Ты свой долг уже выполнил. Своими шуточками ты перевёл нас через Пустынные земли. Теперь моя очередь. Я залезу на стену, привяжу верёвку и подниму вас всех одного за другим. Но это надо делать в темноте.

Они поспешили вперёд, но постепенно замедлили шаг. Глинистая почва с валунами осталась позади, и теперь они поднимались по скале, на которой был выстроен город. Однако легче идти не стало, потому что им приходилось пробираться сквозь нескончаемые завалы из палок и камней. Да и летучие ящерицы кружились в таком количестве, что трудно было разобрать дорогу.

«Их здесь столько, что им ничего не стоит нас одолеть, если они захотят. — Роуэн поёжился от одной этой мысли. — Уж очень мерзко они выглядят, хотя, похоже, опасны они только друг для друга».

Внезапно Роуэн обнаружил, что его спутники исчезли из виду.

— Аллун! Где ты? — с беспокойством в голосе прошептал он.

— Прямо перед тобой, Роуэн. Мы дошли до стены.

Голос Аллуна странно дрогнул.

Роуэн двинулся вперёд и чуть не врезался в Жемчужника, который неподвижно стоял, окружённый крылатыми извергами.

— Что случилось? — спросил Роуэн.

Жемчужник молча указал на Аллуна и Зеел, в отчаянии застывших у стены. Зеел, словно не веря своим глазам, водила руками по гладкой поверхности. Но стена, поднимавшаяся на огромную высоту, оказалась построена не из кирпича или камня. Абсолютно ровная, она была отлита из металла без единого стыка, за который можно было бы уцепиться. А наверху её венчали острые зазубрины.

Роуэн оторопело смотрел на стену, и несколько догадок промелькнуло у него в голове.

Он понял, откуда взялась та странная вспышка, которую он прошлым утром заметил с противоположного конца равнины. Это солнечные лучи отражались от зеркальной поверхности стены. Сейчас металл холодный, но уже скоро к нему будет не прикоснуться. Стена начнет излучать жар, испепеляя всё, что находится перед ней. На такую стену невозможно залезть, и об острый край на её вершине мгновенно перетрётся любая верёвка...

«А если сделать подкоп?» — мелькнула спасительная мысль. Роуэн склонился к земле и громко вскрикнул, увидев, что валяется у него под ногами.

Он и его друзья были далеко не первыми, кто стоял на этом месте и в отчаянии глядел на стену.

Вовсе не груды белёсых камней и палок затрудняли движение на подходе к стене. Это были выбеленные на солнце человеческие кости и черепа.

12. «В отраженьи треск раздастся...»

— Да их тут тысячи! — поразился Аллун. — Скольких несчастных зibaки загнали сюда на верную смерть? Думаю, они делают это уже не одно столетие! — Он с ужасом посмотрел на ящериц. — Теперь понятно, зачем они собираются на этом месте. Похоже, они ждут, пока мы окочуримся, чтобы обглодать наши кости! Роуэн, ты хотел знать, что они едят. Вот тебе и разгадка.

— Всё может быть, — тихо ответил Роуэн.

Теперь ящерицы сбились в плотную кучу и с нетерпеливым стрёкотом прижимали людей к стене. Роуэн отчетливо видел их раздвоенные языки и блеск в голодных глазах. Ящерицы поразительно напоминали чудище, которое утащило Аннад. Конечно, они были несравнимо меньше, но недостаток силы возмещали числом.

— Прочь!

Зеел угрожающе замахала руками, и твари отпрянули назад, но лишь на мгновение. Тут же они вернулись обратно и снова приблизились к путникам.

Аллун, Роуэн, Зеел и Жемчужник беспомощно смотрели на стену. Небо у них за спиной уже порозовело. Его свет отразился в стене, и на её гладкой поверхности проступили четыре усталых бледных лица, окружённых бесчисленными уродцами из ночных кошмаров.

И вправо, и влево стена уходила за горизонт. В сияющем металле не было ни единой трещины. От наступающей жары невозможно было спастись. В тусклом свете поблескивали бескрайние россыпи костей.

— Мы прошли так много и столько перенесли страданий — и неужели всё лишь для того, чтобы умереть под стеной этого проклятого города?! — в отчаянии воскликнул Аллун.

Вот тут-то Роуэн и вспомнил слова Шебы: *«Используй их лишь в случае крайней необходимости...»*

Из-под рубашки он вытащил свёрток, а из него достал одну из четырёх палочек.

— Зеел, зажги огонь, — попросил он. — Вдруг Шеба нам поможет.

— Колдунья специально заманила нас сюда, чтобы погубить, — нахмурилась Зеел.

— Верно, — мрачно согласился Аллун. — Не знаю почему, но ей явно не хотелось, чтобы мы вернулись в Рин.

Роуэн не мог в это поверить. С последней надеждой он взглянул на Жемчужника, но водяной человек бессильно облокотился на стену. Глаза его были закрыты.

— Зеел, ну пожалуйста, дай мне кремь, — взмолился Роуэн. — Надо попытаться! Скоро взойдёт солнце и начнётся жара. И Жемчужник... — Он не смог договорить.

Роуэн упал на колени и принялся шарить среди костей, выискивая сухие листья и палочки — остатки чахлых пустынных растений, принесённых сюда ветром. Он собрал их в небольшую кучку, а сверху положил прутик Шебы. Затем он не глядя протянул руку к Зеел, и та нехотя отдала ему кремь.

Роуэн высек искру, и костерок мгновенно задымился. Прутик вспыхнул зелёным огнем, разгорелся, и в языках пламени появилось колеблющееся лицо Шебы. Роуэн замер, будто пойманный неистовыми красными глазами. Боль пронзила его правую руку, и он с трудом удержался, чтобы не закричать. Затем в его ушах прозвучал голос Шебы:

Враг с рассветом в нападение
Перейдёт, и в отражение

Треск раздастся. Поскорей
Затаись среди костей.
Не вступая в разговоры,
Словно червь, проникни в город.

Вне себя от ужаса, Роуэн вскочил на ноги и принялся затапывать костёр. Постепенно боль в руке утихла, но от безжалостных слов Шебы было никуда не уйти.

— Что она сказала? — слабо спросил Жемчужник.

Он едва стоял на ногах. Лицо его было ссохшимся и мертвенно-бледным.

Как и в прошлый раз после сжигания палочки, невероятная усталость охватила Роуэна. Он не мог заставить себя повторить стихи, но скрыть правду тоже было невозможно.

— Зеел права, — еле слышно проговорил он. — Шеба завела нас сюда на погибель, а теперь ещё напоследок решила поиздеваться над нами.

— Значит, так тому и быть, — спокойно сказал Жемчужник и снова прикрыл глаза.

— Ну уж нет! — Глаза Зеел вспыхнули от ярости. — Мы не станем покорно сидеть и ждать, пока нас тут зажарят!

— Солнце уже поднимается, — заметил Аллун.

Враг с рассветом в нападение
Перейдёт...

В первых лучах восходящего солнца ослепительно вспыхнула стена, и ящерицы с голодным воем ринулись вперёд.

И тут послышался ещё один звук. Он исходил от стены, и Роуэн резко обернулся на него. Слезаящими от яркого блеска глазами он видел собственное отражение и отражения своих друзей и мерзких ящериц, суетливо отталкивающих друг друга. Но было и ещё кое-что! Сперва Роуэн не поверил собственным глазам.

Совсем рядом с тем местом, где стоял Жемчужник, в стене появилась трещина. Идеально прямая, она расколола стену сверху донизу.

В отраженье треск раздастся...

Роуэн заорал во весь голос. Ему было не перекричать ящериц, но Аллун и Зеел уже и сами заметили, что происходит. А трещина всё расширялась. Часть стены, словно дверь, медленно распахивалась наружу. С сильным грохотом что-то толкало её изнутри.

...Затаись среди костей...

— Живо! Прижмитесь к стене! Прячьтесь! — Роуэн бросился к Жемчужнику и потянул его вниз.

Аллун и Зеел упали рядом, и все четверо как можно глубже зарылись в белые блестящие кости.

Как раз вовремя! Потому что в следующее мгновение ворота широко распахнулись и в проходе показалась тяжёло груженная повозка, которую с трудом толкали четверо зибак.

— И это называют работой для стражников, — проворчал один из них. — Да здесь хватило бы одного урса с гарчем.

Под его тяжёлыми сапогами почти что над головой Роуэна крошились кости.

Стражник был высоким широкоплечим человеком в серой униформе. Чёрная полоса, пересекавшая лоб, делала лицо зибак зловещим. В его глазах сверкала злость.

— Для гарчей найдутся дела поважнее, — заметил другой стражник. — Выполняй приказ, Зэнел, и поменьше рассуждай. Не то вышвырнут тебя в Пустынные земли — и поминай как звали!

— Там и будешь выбирать, что тебе больше по нраву: стена или ишкин, — захохотал третий.

Зэнел раздражённо пнул суетившихся у его ног крылатых тварей, но не произнёс ни слова.

Роуэн неподвижно лежал рядом с Жемчужником. Сердце у него колотилось так, словно было готово вот-вот выскочить из груди. Зибак прошли мимо них. Ворота в город были открыты, но Роуэн не отваживался даже пошевелиться. Пока что стражники не замечали неожиданных гостей, однако в любой момент кто-нибудь из них мог обернуться. Тогда нечего будет ждать пощады.

Стражники принялись снимать запоры с обеих сторон повозки. Со скрежетом стал опускаться её задний борт, и одновременно повозка накренилась. На землю посыпались гнилые овощи и куски протухшего мяса. Летучие ящерицы с пронзительными криками набросились на еду. Их были многие тысячи, и те, кому не удалось добраться до отбросов, не на жизнь, а на смерть дрались друг с другом. А зибак выгребали из повозки остатки тухлятины и яростно отмахивались от озверевших тварей, будто не замечая их оглушительного гвалта.

Не вступая в разговоры,
Словно червь, проникни в город.

Подходящий момент наступил. Роуэн пополз вперёд, увлекая за собой Жемчужника. Аллун и Зеел подталкивали его сзади. Не поднимаясь на ноги, они пролезли сквозь проём и оказались в городе.

Задыхаясь от страха, они лежали у городской стены и тревожно озирались по сторонам. Перед ними была большая площадь, вымощенная красным кирпичом. Посреди неё валялись выпавшие из повозки отбросы. Кругом не было ни души. Видимо, в такой ранний час все ещё спят и только стражники несут свою службу.

Впереди поднималось высокое здание — то самое, на вершине которого ночью горел огонь. Площадь окружали длинные приземистые строения. Их двери были наглухо закрыты. В воздухе едко пахло дымом и помоями.

Куда бежать? Где спрятаться? Стражники вот-вот прикатят назад пустую повозку. Времени на раздумья не оставалось.

В городе зазвонили колокола. Их звук был громким и продолжительным. Скорее всего они будили людей, и в городе с минуты на минуту закипит жизнь.

— Вода... — простонал Жемчужник и указал налево.

Зеел дёрнула Роуэна за руку, и он увидел, что она тоже смотрит в ту сторону, куда указал им Жемчужник. А там, прямо перед одним из домов, под землю уходили металлические ступеньки.

Роуэн заколебался, но другого выхода не было. Повозка возвращалась, и из-за стены уже показались её передние колеса.

Роуэн, Зеел и Аллун подхватили Жемчужника и бросились к ступенькам. А вслед им неслись грохот повозки и пронзительные крики летучих ящериц.

Внизу оказалась дверь. Аллун осторожно повернул ручку. Дверь открылась, и они проскользнули внутрь.

Ярко освещённый коридор был обшит металлическими листами. Откуда-то слышался тяжёлый ровный шум.

— Это чудище! — Зеел потянулась к кинжалу на поясе.

Роуэн озадаченно покачал головой.

— На рёв животного не похоже. Звук слишком монотонный, как скрежет мельничных жерновов.

— Значит, это машина, — прошептал Аллун. — Не думайте об этом. Сейчас надо быстрее найти для Жемчужника воду, иначе он долго не протянет. — И он с беспокойством посмотрел на водяного человека.

Они побрели по коридору, а следом по блестящим стенам двинулись их отражения.

— Как будто вместе с нами целая толпа, — заметил Аллун. — Толпа чудиков шастает по тоннелю под вражеским городом без малейшего представления о том, в какую сторону им идти.

Дойдя до места, где коридор расходился надвое, они озадаченно остановились.

— Туда, — прохрипел голос.

Это был Жемчужник. Он с трудом поднял руку и указал направо. Из последних сил они двинулись по правому коридору. Шум машины становился всё громче.

На пути им встречались все новые и новые развилки, и каждый раз Жемчужник говорил, куда повернуть. Все коридоры были одинаково ярко освещены и обиты блестящим металлом. Нигде им не встретилось ни души.

13. Лабиринт

Сначала Роуэн пытался запомнить дорогу, но вскоре сдался. Поворотов было слишком много, и каждый следующий коридор ничем не отличался от предыдущего. Теперь, когда опасность миновала, Роуэна снова одолела та невыносимая усталость, которую он ощутил у стены. С огромным трудом он передвигал ноги и мечтал лишь о том, чтобы лечь и уснуть.

— Вот незадача, — проговорил Аллун, когда они в очередной раз повернули. — Мы никогда не сумеем выбраться из этого лабиринта.

Роуэн едва разобрал его слова. Он уже спал на ходу, а шум и скрежет всё нарастали.

— Если это действительно лабиринт, то, кажется, мы в его центре, — сказала Зеел.

Роуэн поднял голову и понял, что Зеел имеет в виду. Коридор, в который они только что свернули, упирался в блестящую металлическую дверь. На ней висела небольшая чёрно-белая картинка, но издали Роуэн не мог разобрать, что на ней изображено.

Рёв за дверью стал невыносимо громким, однако Роуэн всё равно слышал тяжёлый хрип Жемчужника, который из последних сил повис на Аллуна и Зеел, но рвался и рвался вперёд.

Наконец они подошли к двери и разглядели рисунок. Это был ухмыляющийся белый череп на чёрном фоне. Все так и застыли на месте.

— Не очень-то обнадеживает, — нахмурился Аллун.

— Череп вовсе не означает, что за дверью таится опасность, — медленно произнесла Зеел. — Он означает, что это запретное место и тому, кто посмеет сюда войти, грозит смертная казнь. — Она заметила, что все уставились на неё, и пожала плечами. — Я вспомнила, — пояснила она. — Видимо, это одна из первых вещей, которые нам объясняли.

«Нам, — сквозь дымку усталости подумал Роуэн. — Зеел впервые сказала „нам“, говоря о зобаках». Он посмотрел на её встревоженное лицо и ощутил странное беспокойство.

Жемчужник слабо пошевелился, понукая Зеел и Аллуна идти вперёд. Шатаясь, он сам добрёл до двери. На ней висел замок. Жемчужник беспомощно подергал за него и застонал.

— Жемчужник, откуда там может взяться вода? — мягко спросил Аллун.

— Там... есть... вода, — просипел Жемчужник, из последних сил скребясь в дверь. — Я... должен...

Зеел решительно выхватила нож. Волна ужаса накатила на Роуэна. Но Зеел склонилась над замком и принялась шуровать в нём лезвием.

— Этому я научилась у бродников, — проговорила она. — Бродники не любят замков и не боятся наказания.

После нескольких бесконечно долгих минут замок со скрежетом открылся. Зеел, прикусив губу, отступила назад, и Роуэн сообразил, что открыть дверь она всё же не решается.

Он сделал шаг, но Жемчужник уже толкнул дверь. Она отворилась, и оглушительный рёв вырвался наружу и, отражаясь от стен, разнёсся по коридорам. Водяной человек не обратил на шум ни малейшего внимания. С неизвестно откуда взявшейся прытью он рванул вперёд.

Роуэн и Аллун последовали за ним. Зеел тоже нехотя вошла в дверь. Она явно была напугана. И снова Роуэн подивился тому, как живучи остатки детских воспоминаний. Не так-то просто было для Зеел побороть страх перед ишжином и запретным знаком.

Свет из коридора проник в помещение, но стоило им оказаться внутри, как Зеел поспешно захлопнула дверь.

Воцарилась крошечная тьма. Пространство было наполнено рёвом и скрежетом. Роуэн вытянул руки, чтобы на ощупь определить, что находится рядом.

— Аллун! Жемчужник! — испуганно позвал он.

— Я здесь, — откликнулся Жемчужник. — Не двигайся с места. Тут небезопасно для тебя.

Справа послышался звон, и Аллун вскрикнул от боли.

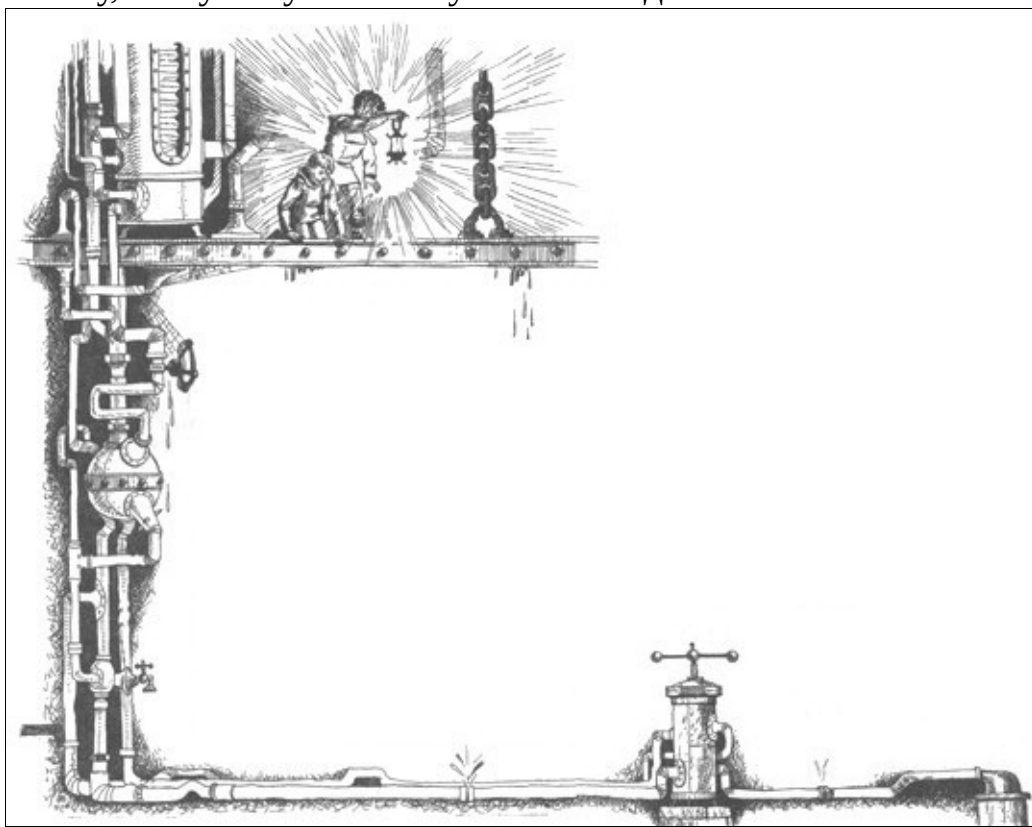
С колотящимся сердцем Роуэн мелкими шажками принялся продвигаться в том направлении.

— Всё в порядке, — громко сказал Аллун. — Я обо что-то ударился головой. Что это? А! Отлично!

Со странным треском вспыхнул огонёк. Сперва он мигал, а затем разгорелся, и Роуэн увидел лицо Аллуна, измазанное тёмной густой жидкостью. В руках Аллун держал закопчённую масляную лампу.

— Уж если было так необходимо на что-то налететь, как удачно, что это оказалась лампа, — заявил он. — Она висела у меня над головой, а рядом на полке лежали спички. Что ж, посмотрим, куда мы попали.

Он поднял лампу, и Роуэн чуть не ахнул от неожиданности.

Они стояли на металлической платформе, висевшей над огромным подземным озером, по размеру сравнимым с лугом, на котором паслись букшахи в Рине. Большую часть платформы занимала исполинская машина, которая непрерывно стучала и скрежетала. На полке сбоку были перчатки, инструменты и жестяной бидон с маслом.

Аллун указал на серебристые трубы, которые поднимались из воды, шли вдоль стен и исчезали в отверстиях на крыше.

— Зибакки качают отсюда для города воду! — с удивлением воскликнул он. — Озеро служит для них колодцем, а машина — это огромный насос, который работает сам собой. Чего только не бывает на свете!

Роуэн оглянулся. Зеел по-прежнему в напряжённой позе стояла у дверей. За всё это

время она не произнесла ни слова.

Роуэн с Аллуном осторожно приблизились к краю платформы, опустились на колени и увидели, как внизу Жемчужник плавает в тёмной воде. Глаза его были закрыты, однако Роуэн понял, что медленно, но верно водяной человек приходит в себя. Его кожа уже разгладилась, и он дышал глубоко и спокойно.

Глядя на воду, Аллун поёжился, и Роуэн разгадал его мысли. Если бы они в темноте свалились вниз, то неминуемо бы утонули. Ослабевший Жемчужник не успел бы их спасти.

Почувствовав, что на него смотрят, водяной человек открыл глаза и улыбнулся.

— Ты правильно нас вёл, Жемчужник, — признал Аллун.

— Ну конечно. Водяные люди чувят воду, где бы она ни находилась, — сонно ответил Жемчужник.

— Ты давай отдыхай как следует, — сказал ему Роуэн.

— Мне нужен всего час.

Жемчужник снова закрыл глаза, и Роуэн почувствовал, что ему и самому нестерпимо хочется спать. Он устал... так устал...

Роуэн взял себя в руки. Сейчас не до сна. Он отвернулся от подземного озера и вслед за Аллуном направился к Зеел, все так же стоявшей у двери.

— Похоже, здесь можно спокойно отдохнуть. — Аллун с трудом перекрикивал рёв насоса. — Конечно, немного шумно, но нельзя же требовать всего сразу.

Без единого слова Зеел протянула руку к лампе. Аллун удивился, но отдал её, и Зеел принялась внимательно рассматривать лампу со всех сторон, не обращая внимания на остававшуюся на пальцах копоть.

«Она помнит такие лампы, — догадался Роуэн. — Скорее всего ей запрещали их трогать, но её, как и всякого ребёнка, интересовало пламя. Так что она далеко не всё позабыла о зибакской жизни».

Зеел поставила лампу на пол и взглянула на Роуэна.

— Перед тем как отдыхать, надо поджечь ещё один прутик Шебы, — не терпящим возражения тоном сказала она. — Надо узнать, что нам угрожает.

Роуэн помедлил. В предчувствии боли запульсировала его правая рука. К тому же прутиков оставалось всего три. Так ли это необходимо сейчас? Он вопросительно посмотрел на Аллуна, но тот кивнул:

— Если Шеба может нам что-нибудь посоветовать, не стоит этим пренебрегать. По крайней мере, мы узнаем, что делать, если в ближайшее время сюда нагрянут хозяева этой лампы.

Роуэн нехотя вытащил свёрток и достал один прутик. Затем он тщательно завернул в ткань оставшиеся и спрятал их обратно. При этом он почувствовал, что медальон стал теплым. «Для чего он нужен? — спросил себя Роуэн. — Быть может, именно он помогает мне слышать слова Шебы?»

— Поджигай прутик, Роуэн! — нетерпеливо воскликнула Зеел. — Чего ты ждёшь? Сунь его в огонь лампы.

Больше не раздумывая, Роуэн последовал её приказу. Зелёное пламя моментально охватило весь прутик. Кругом заплясали странные тени.

На этот раз рука заболела так сильно, что слезы потекли у Роуэна из глаз. Сквозь туман он разглядел в огне лицо Шебы. Колдунья ухмылялась, сверкая глазами. Раздались слова:

Тому, кто первым слышал звон,
Подскажет правду отражение.
Один из пальцев отсечён.
В чужих руках вперёд движение.
Четыре пальца рок согнёт.
Оков в неволе тяжек гнёт.

Зелёное пламя погасло. Пепел упал на пол. Лампа мигнула и потухла. Снова стало темно.

Стараясь унять дрожь в голосе, Роуэн повторил стихи. Он не видел своих друзей, но чувствовал, что они тоже подавлены неудачей.

Шеба ничем не помогла им. Она не сказала, что делать, если сюда нагрянут зиаки. Не посоветовала, как выбраться из лабиринта и отыскать Аннад. Она только предредила им грядущие боль и страдание и отняла последнюю надежду на спасение.

Отчаяние лишило Роуэна остатка сил. Он лег и закрыл глаза, засыпая под усталый голос Аллуна:

— Мы слышали звон колоколов, когда только вошли в город. Но кто из нас услышал его первым? Отражение — это, наверно, зеркальные стены лабиринта. Но какую правду они могут подсказать?

— Придёт время, и мы всё узнаем, — холодно и безжизненно произнесла Зеел. — Так было и с предыдущими предсказаниями.

— Я не могу больше думать об этом, — слабо сказал Аллун. — Поспи, Зеел. Я разбужу тебя через...

— Нет, — перебила Зеел. — Я первая посторожу.

— Ладно, — зевая, согласился Аллун.

Эти слова были последним, что услышал Роуэн. Затем он уснул, убаюканный рёвом насоса и бульканьем воды в трубах.

Голос Жемчужника зазвучал у него в ушах, прохладная рука коснулась его плеча, и Роуэн, вздрогнув, проснулся. Он резко сел и помотал головой, чтобы прийти в себя.

Он не сразу заметил, что свет бьёт ему в лицо. Дверь была открыта! Роуэн вскочил на ноги, и в то же время из коридора появился Аллун с крайне обеспокоенным лицом.

— Не нашёл? — спросил Жемчужник.

Аллун покачал головой и закрыл дверь.

— Что случилось? — спросил Роуэн. — Я долго спал? Почему вы меня не разбудили?

— Я сам только что проснулся, — ответил Аллун. — Жемчужник нашёл нас двоих крепко спящими. Но Зеел с нами нет. В коридоре я тоже её не обнаружил. Роуэн, она исчезла.

14. «Один из пальцев отсечен»

— Может быть, Зеел что-то услышала и пошла проверить, — без особой надежды предположил Роуэн.

Он испуганно подумал о том, что с тех самых пор, как они вошли в город, Зеел странно притихла. Её стали одолевать давно забытые воспоминания. Но всё равно было трудно поверить, что смелая и решительная Зеел, которая столько лет прожила среди бродников, не находит сил одолеть своё прошлое.

Сидеть в темноте было нестерпимо. Роуэн, Аллун и Жемчужник снова открыли дверь и вышли в сияющий пустынный коридор.

— И что нам теперь делать? — недоумевая, проговорил Аллун. — Где нам её искать? Зеел наверняка заблудилась в этом лабиринте.

Он взглянул на собственное отражение в блестящей стене и заметил, что на щеке осталась копоть от лампы. Он принялся стирать грязь, размазывая её ещё сильнее, а затем с удивлённым возгласом придвинулся к стене.

— Смотрите, здесь на стене сажа. И ещё... И ещё... — Он пошёл вперёд, указывая на маленькие пятна и чёрточки на её поверхности.

Роуэн и Жемчужник заторопились следом за ним.

— Зеел измазала руки в саже, — возбуждённо проговорил Аллун. — И оставила пометки, чтобы найти дорогу обратно!

— Или чтобы мы шли за ней вдогонку, — предположил Жемчужник.

Когда они достигли места, где коридор пересекался с другим, тёмные пятнышки повернули налево за угол.

— Так вот о чём говорилось в стихотворении, — на ходу заметил Аллун. — Мы все слышали колокольный звон, но, видимо, я услышал его первым. Поэтому именно мне отражение подсказало правду: я заметил сажу на зеркальной стене и догадался, откуда она взялась. Просто замечательно!

— Было ещё одно пророчество? — удивлённо спросил Жемчужник. — Скажи мне его.

Роуэн, не замедляя шагов, принялся читать стихи. Тем временем друзья ещё раз повернули и оказались в очень широком коридоре.

— Мне не нравятся слова про неволю и оковы, — проговорил Жемчужник. — К тому же один из пальцев будет отсечён — это тоже не предвещает для нас ничего хорошего. Ведь, судя по самым первым стихам, мы и есть эти пальцы.

Аллун так и застыл. Радостное возбуждение мгновенно покинуло его.

— А я-то, как дурак, развеселился, — тихо сказал он. — Раз первые строки сбылись, сбудутся и остальные. Зеел попала в страшную беду. Иначе почему она до сих пор не вернулась?

И тут послышался громкий топот. Откуда-то издалека приближались люди, шагавшие в ногу. Гулкое эхо загуляло по коридору.

— Они идут сюда! — испугался Жемчужник.

Не сговариваясь, все трое рванули назад и завернули обратно за оба поворота. Там они остановились и прислушались. Грохот шагов нарастал.

— Чего мы ждём? — прошептал Аллун. — Что, если они повернут сюда?

— Всё в руках судьбы, — ответил Жемчужник. — Судя по топоту, их очень много. Если

повезёт, они пройдут по широкому коридору, и мы будем в безопасности. Давайте посмотрим и, если они повернут, сразу же бросимся бежать.

Они осторожно выглянули за угол и посмотрели на то место, где узкий коридор упирался в широкий.

Левой-правой, левой-правой... Стены дрожали от приближающихся шагов. И вот появились марширующие зибакские стражники. Глядя прямо перед собой, они шли по четверо в ряд, одновременно поднимая и опуская ноги, обутые в сверкающие чёрные башмаки.

Роуэн напрягся и уже готов был обратиться в бегство, ожидая, что стражники повернут. Но они не повернули, а, как и предполагал Жемчужник, прошагали мимо. Ряд за рядом. Шесть... восемь... десять... двенадцать рядов насчитал Роуэн. А затем коридор опустел и шум шагов затих.

— Широкий коридор — самый опасный, — сказал Аллун. — Но Зеел в него свернула, придётся идти и нам. Давайте пойдём как можно быстрее.

Они вернулись в широкий коридор и изо всех сил побежали по нему, следуя пометкам Зеел. Грохот шагов всё ещё звучал у них в ушах. Коридор был длинный и широкий, без единого ответвления, и далеко впереди заворачивал под прямым углом. Если сейчас появится новый отряд стражников, скрыться будет негде. Кто знает, может быть, именно так Зеел попала в лапы врага...

Но пятна на стене не прерывались, хотя встречались всё реже, а коридор оставался пустым. Наконец он закончился, и за углом глазам Роуэна открылось обширное помещение, на противоположной стороне которого были две двери с кривыми металлическими ручками.

Роуэн, Аллун и Жемчужник подкрались к дверям и прислушались, но с той стороны не доносилось ни звука.

— Рискнём? — шёпотом спросил Аллун.

— У нас нет выбора, — пожал плечами Жемчужник.

Он потянулся к одной из ручек и замер, указывая на тёмное пятно. Значит, Зеел тоже входила сюда.

Жемчужник бесшумно отворил дверь, и они оказались в громадной комнате, уставленной рядами вешалок с униформой зибакских стражников. Посреди комнаты стоял стол со скамейками. На стене висел бурый флаг, в центре которого помещался герб: чёрные крылья летающего чудища.

— Наверное, здесь отдыхают стражники, — обеспокоенно проговорил Аллун. — Не самое подходящее место для нас.

В дальнем углу комнаты виднелась ещё одна дверь. Она была приоткрыта, и сквозь щель Роуэн заметил каменные стены и стальную решётку.

— Может быть, Зеел там, — тихо предположил он.

Они прокрались через комнату и застыли на пороге. Из-за двери опять ничего не было слышно, но Роуэн почувствовал слабое движение воздуха, лёгкий тёплый ветерок, означавший, что выход наружу где-то рядом.

Они приоткрыли дверь и вошли в следующее помещение. Пол здесь был вымощен кирпичом. Одна из стен представляла собой большие ворота, из-под них довольно сильно дуло.

В центре стояли две клетки на колесах. Одна из них пустовала, а другая была прикрыта тканью. На цыпочках друзья приблизились к клетке, и Аллун протянул руку, чтобы откинуть

ткань. Роуэн наклонился, стараясь разглядеть, нет ли там Зеел...

И тут сзади раздался грохот. Что-то тяжёлое сбilo его с ног, грубый голос завопил ему в самое ухо. Роуэн закричал и попытался вырваться. Сильная рука схватила его за шею и толкнула головой в железные прутья решётки. Мир взорвался в ослепительной вспышке боли.

— Довольно! — прогремел голос. — Они нужны нам живыми!

— Слушаюсь! — ответил мучитель Роуэна.

Роуэн оглянулся, чтобы увидеть того, кто отдал приказ. Но голова кружилась, и боль пронзала её вновь и вновь. По лицу текла кровь. И если бы Роуэна не держали, он неминуемо упал бы на землю.

Четыре пальца рок согнёт.

Жемчужника и Аллуна схватили другие руки. Роуэн слышал, как Аллун стонал. Или это был его собственный стон?

Сквозь пелену дурноты Роуэн смотрел на вышагивающую по кирпичному полу высокую женщину в серой униформе. Прямая спина и решительная поступь лучше любого знака отличия говорили о том, что это офицер высшего ранга — из тех, кому неведомы страх и жалость. Чёрная полоса, пересекавшая её лоб, придавала лицу особенно жестокий вид. Рот стражницы был крепко сжат. Бледные глаза холодно блестели из-под сияющего козырька серого шлема, увенчанного чёрными крыльями.

— Пусть они замолчат! — приказала она. — Заковать их и посадить в клетку!

И тут, с ужасом и не веря собственным глазам, Роуэн её узнал.

Это была Зеел.

15. Оковы

Позже Роуэн понял, что, когда стражник заткнул ему кляпом рот, он, должно быть, потерял сознание. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он очнулся, лежа на жёстком полу железной клетки, с закованными в цепи руками и ногами. Голова нестерпимо болела, а в горле пересохло. Роуэн слышал, как постанывал Жемчужник. Аллун тоже был рядом.

Итак, они попали к зибакам в плен. Зеел перешла на сторону врага. «Или в сердце она всегда была не с нами?» От одной этой мысли Роуэну не хотелось больше жить.

Он не сразу заметил, что клетка раскачивается и трясётся, и услышал скрежет колёс. Клетка была занавешена тканью, но не до конца. Слегка повернув голову, Роуэн разглядел улицу, по которой их везли.

Он видел дома и лотки с овощами и фруктами. Видел играющих детей. Взрослые работали или шли по делам, неся в руках корзины, сумки и инструменты. Все они с любопытством или испугом смотрели на клетку и поспешно отворачивались.

Роуэн удивился, что простые зибак ходят в обычной одежде, а не в военной форме. Единственное, что отличало их от жителей Рина, — это чёрная полоса поперёк лба, которая была даже у маленьких детей.

— Поправь покрывку! — рявкнула стражница, и Роуэн сжался. Это был голос Зеел, но он неузнаваемо изменился и стал таким холодным...

Роуэн скосил глаза и разглядел движущуюся серую фигуру и профиль сурового лица. Глядя прямо перед собой, Зеел решительно шагала рядом с клеткой. Предательница Зеел! Зеел, заманившая их в ловушку!

Четыре пальца рок согнёт.
Оков в неволе тяжек гнёт.

— Да что плохого, если урсы увидят пленников? — Роуэну показалось, что и этот голос он где-то уже слышал. — Пусть знают, как коварны наши враги, раз стражники отлавливают шпионов в самом сердце города! Тогда-то они поймут, что война необходима для их же собственной безопасности.

— Как ты смеешь обсуждать приказы? — яростно прорычала Зеел. — Это секретное задание! Делай, что тебе говорят.

— Слушаюсь, — поспешно отозвался стражник.

Внезапно Роуэн сообразил, что это тот самый зибак, который вёз тележку с отбросами для летучих ящериц и был этим очень недоволен. Как же его звали? Точно, Зэнел.

Теперь покрывка сверху донизу закрывала клетку, и Роуэн больше не видел, что происходит снаружи. Но он слышал разговор, и с каждым мгновением им все сильнее овладевало сомнение. Может быть, он чего-то не понимает? Возможно ли, чтобы...

— Тебе и твоим безмозглым друзьям вообще не следовало лезть не в своё дело! — жёстко проговорила Зеел. — Так уж и быть, я не стану о вас докладывать. Но ты имей в виду: я могу в любой момент передумать, и тогда вам не поздоровится.

— Мы всего-навсего собирались отдохнуть, — жалобно сказал стражник. — А если рано, так это просто потому, что справились с работой до срока. Мы же не знали, что эти

шпионы — ваши пленники. Они ведь были без стражи и без оков. Что же мы ещё могли подумать...

— Молчать! — гаркнула Зеел. — Думать — не твоя забота! Подгони зверя. Мы еле плетёмся.

— Простите, боюсь, гарч не может идти быстрее, — испуганно оправдывался Зэнел. — Он же привык тянуть плуг у рабов на ферме. Вы, должно быть, привыкли к летающим гарчам, которых готовят к войне. Но они молодые и сильные. Говорят, их кормят мясом ящериц из Пустынных земель. А этот гарч ест только траву. Вот уже и ворота фермы...

— Пленники без промедления должны присоединиться к остальным, — ледяным тоном проговорила Зеел. — Это приказ. И попробуй только послушаться!

Зэнел явно не рискнул.

— Вперёд! — подгонял он зверя, и клетка, раскачиваясь, ехала быстрее.

— Вот так-то лучше.

Зеел говорила так громко для того, чтобы пленники слышали её слова, — Роуэн больше не сомневался в этом.

— Скоро шпионы встретятся со своей маленькой подружкой. Возможно, они сочтут, что гнёт оков не слишком большое неудобство за бесплатную доставку на место. Как по-твоему, Зэнел?

Стражник захохотал, отдавая должное шутке офицера. Но Роуэн догадался, что хотела сказать Зеел. Она везла их туда, где находится Аннад, и как могла сообщала об этом с помощью слов из пророчества Шебы.

Роуэн услышал сдавленный звук и с большим трудом обернулся, вздрогнув от боли. Глаза Жемчужника были открыты. Кляп мешал ему говорить, но стало ясно, что водяной человек тоже понял, о чём говорила Зеел.

— Отворяй ворота! — рявкнула Зеел. — Живо!

Клетка стала двигаться тише и мягче. Видимо, теперь они ехали по земле. Позади с лязгом захлопнулись ворота. Клетка подпрыгнула на ухабе, и Роуэн больно ударился о железный пол, но едва обратил на это внимание. Он судорожно пытался понять, что же всё-таки произошло.

Пока он сам, Аллун и Жемчужник спали у подземного озера, Зеел отправилась на разведку. Каким-то образом, возможно последовав за отрядом стражников, она нашла дорогу в помещение, где они хранят форму, и переоделась в неё. Вымазанной в саже рукой она нанесла на лоб полосу.

Затем, по-видимому, пришёл Зэнел со своими товарищами. Зеел спряталась от них и появилась, только когда стражники напали на Роуэна, Аллуна и Жемчужника. Она спасла своих друзей единственно возможным способом — сделав вид, будто они уже её пленники.

Теперь Зеел продолжала играть свою роль, и у неё это отлично получалось! Осталось добраться до места, где прятали Аннад.

Послышался окрик, и клетка резко остановилась.

— Отлично! — сказала Зеел. — Вытащи их наружу.

Покрышка была отдёргнута, и Роуэн зажмурился от яркого света. Постепенно его глаза привыкли, и он ошеломлённо огляделся. Он ожидал, что окажется в тюрьме, в каменном мешке с железными решётками, за которыми сидят закованные узники. Однако кругом были деревья и зелёные поля. Виднелись маленькие домики. Неподалеку протекал ручей. Люди собирали урожай на полях. Всё было таким близким и знакомым...

Роуэн ощутил нестерпимую тоску по дому и смутно подумал, не снится ли ему всё это. Если бы над селением возвышалась гора и на лугах паслись букшахи, а не огромные твари, которых зиаки называют гарчами, Роуэн, вне всякого сомнения, решил бы, что попал в Рин.

Ясно одно: Аннад здесь нет и быть не может. Зеел сделала всё, что могла. Без неё они никогда не сумели бы выбраться из лабиринта. Но Зэнел привёз их не туда, куда нужно. По ошибке или намеренно.

Дверь клетки открылась. Зэнел вытащил Роуэна и грубо швырнул его на землю.

— Поаккуратнее! — приказала Зеел. — Они должны быть живыми и здоровыми. Ты слышал?!

Зэнел сердито хмыкнул, но с Жемчужником и Аллуном обошёлся с большей осторожностью. Теперь все трое неподвижно лежали на земле. Прямо перед глазами у Роуэна оказался гарч, который вёз клетку. Он наклонил голову и с жадностью потянулся к траве. Очевидно, он был доволен, что путешествие окончилось и он наконец-то дома.

— Можешь идти, — сурово велела Зэнелу Зеел. — Но помни, о пленниках болтать запрещено. Стоит тебе только открыть рот, и ты отправишься в гости к ишжинам.

— Слушаюсь, — проговорил Зэнел и собрался уходить.

— Постой! — приказала Зеел. — Оставь ключи от оков. Они могут мне пригодиться.

На лице Зэнела появилось удивление, тут же сменившееся тупой подозрительностью.

— У офицеров Главного штаба должны быть ключи от всех замков, — возразил он.

У Роуэна перехватило дыхание: Зеел совершила ошибку!

— Мне нужны твои ключи, Зэнел, — отрезала она. — Давай их сюда!

Зэнел внимательно на неё посмотрел, затем достал из кармана ключи и медленно направился к Зеел. Она застыла в ожидании, опасаясь излишней горячностью усугубить подозрения стражника.

Роуэн попытался освободиться из оков, но не тут-то было. Он ничем не мог помочь Зеел!

Зэнел приблизился к Зеел, и она протянула руку, чтобы взять ключи. Стражник сделал ещё один шаг и притворился, будто споткнулся. Он резко взмахнул рукой, задел лицо Зеел и сбил с её головы шлем. Чёрная полоса, пересекавшая лоб, размазалась грязным пятном. Длинные волосы девушки упали ей на плечи.

Зэнел уставился на Зеел и на собственную руку, вымазанную сажей. В следующее мгновение он выхватил кинжал и с рёвом бросился вперёд.

Зеел попыталась бежать, но тяжёлые башмаки и неудобная одежда стесняли её движения. Она оступилась и упала. Связанный и с заткнутым ртом, Роуэн не мог даже закричать, глядя, как Зэнел уже заносит кинжал.

И тут, словно по волшебству, появился высокий незнакомец и набросился на стражника.

Казалось, он возник из ниоткуда. Скорее всего он подошёл незамеченным и спрятался позади клетки.

Это был рыжеволосый юноша в грубой рабочей одежде. В руках он держал лопату. Он выглядел очень сильным, и лицо его было исполнено решимости. С воинственным кличем он поднял лопату, и в следующий миг оглушённый Зэнел рухнул на землю.

Юноша склонился над стражником, легонько потряс его, удовлетворённо кивнул, подобрал кинжал и взглянул на Роуэна, Аллуна и Жемчужника, беспомощно лежавших на траве.

— Я Норрис, — спокойно представился он.

Опершись на лопату, он внимательно осмотрел чужестранцев, причём особенный интерес у него вызвал Жемчужник. Потом Норрис с улыбкой повернулся к Роуэну:

— Добро пожаловать, Роуэн. Мы уже тебя ждали.

16. Неожиданная встреча

Роуэн ошарашенно уставился на спасителя Зеел. Норрис показался ему поразительно похожим на Силача Джона, хотя и был гораздо моложе.

Зеел поднялась на ноги и, всё ещё не сводя недоверчивого взгляда с Норриса, отомкнула оковы Роуэна. Затем она склонилась над Аллуном и Жемчужником, а Роуэн сел и с облегчением вытащил изо рта кляп.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — сипло проговорил он.

В тот же миг гарч, мирно жевавший траву, поднял голову и радостно зафырчал. Роуэн оглянулся в направлении его взгляда и увидел, что от одного из домов к ним медленно ковыляет старик с длинной седой бородой. Он был худым, небольшого роста и выглядел крайне обеспокоенным.

— Ох, Норрис, Норрис! — приблизившись, укоризненно вздохнул он. — Вот уж воистину: сила есть — ума не надо. Мальчик мой, как ты меня огорчаешь. Когда же наконец ты научишься сначала думать, а потом делать?

С этими словами старик погладил гарча, который рванулся к нему, волоча за собой клетку.

Норрис покраснел и опустил голову. Было ясно, что ему стыдно, и Роуэну стало его искренне жаль. Он отлично знал, что чувствует человек, который не оправдывает ожидания окружающих. Сколько раз Роуэн сам оказывался в таком положении! Вот только совершенно по другой причине.

Зеел выступила вперёд.

— Норрис спас мне жизнь, — заявила она. — У него не было другого выхода.

Старик только покачал головой. Он с ужасом смотрел на неподвижного Зэнела.

— Скоро его начнут искать, — дрожащим голосом проговорил он. — Надо его спрятать... И клетку тоже. Для начала за стогом сена на заднем дворе. А потом подумаем, что делать дальше...

Он снова вздохнул, когда Норрис затолкал стражника в клетку и захлопнул дверь. Затем старик вдруг вспомнил о чужестранцах.

— Здравствуй, Роуэн, — поклонился он. — Извини, что мы ссоримся в твоём присутствии. У Норриса доброе сердце, но его вспыльчивость приводит меня в отчаяние. Я — Тири, хранитель шёлка. Мой дом открыт для тебя.

Не успел Роуэн ответить, как Тири обратился к Аллуну, Зеел и Жемчужнику:

— Рад встрече с вами. Мы ждали Роуэна, но думали, что он придёт один.

Старик медленно побрёл к дому. Норрис двинулся следом, ведя под уздцы тянувшего клетку гарча.

— Да почему же вы меня ждали? — недоумевал Роуэн.

— Твоя сестра сказала, что ты придёшь.

— Аннад здесь?!

Сердце у Роуэна сильно билось от радости.

— Ну конечно, — слегка удивился Тири. — Где же ещё может быть новая пленница?

— Мы полагали, что она находится в тюрьме, — заметил Жемчужник.

Он произнёс эти слова подчеркнуто вежливо, явно подозревая, что Тири не в своём уме или говорит неправду.

Тири остановился.

— Мой друг, это и есть тюрьма, — сказал он. — Здесь, на ферме, мы, пленники зибак, заперты так же надёжно, как в железной клетке. — Он указал на огораживавший поля высокий забор.

Зеел взглянула на работавших в отдалении людей и нахмурилась.

— Те люди — зибак, — проговорила она. — У них полосы на лбу.

— Верно, — признал Тири. — Это простые зибакские люди. Стража называет их урсами. Они каждый день приходят на ферму, чтобы работать на полях. Так повелось с тех пор, как рабов стало слишком мало. — Он внимательно посмотрел на Зеел. — Но ведь и ты из зибак. Где же твоя татуировка?

— В раннем детстве я стала дочерью другого народа, — гордо ответила Зеел. — Я надела эту одежду лишь для того, чтобы обмануть стражников.

Роуэн прямо над ухом услышал пыхтение и машинально протянул руку. Однако вместо мягкой шерсти его пальцы нащупали скользкую чешую, и он резко отпрянул. Гарч обиженно заскулил, и Роуэну всё-таки пришлось потрепать его по шее. Как бы отвратительно ни выглядело животное, уж если оно хочет, чтобы его приласкали, нельзя ему в этом отказывать.

— В пророчестве, которое мы слышали от колдуньи, говорится о том, кто первым услышал колокола зибак, — продолжила свои объяснения Зеел. — Я впервые слышала колокола много лет назад, в раннем детстве. И отражение на стене действительно подсказало мне правду: я зибак, сколько бы ни притворялась бродницей. И внезапно мне стало ясно, что только я могу привести всех к Аннад. Это и есть мой удел, моя роль в этом путешествии. Так же, как Жемчужнику было суждено спасти нас в море, а Аллуну в Пустынных землях.

— Вы прошли Пустынные земли?

Норрис взглянул на Роуэна и его спутников с уважением.

— Интересно, а в чём состоит удел Роуэна? — подумал вслух Тири.

Он произнёс эти слова очень тихо. Роуэн посмотрел ему прямо в глаза и поразился глубокой печали его взгляда. Но Тири тут же повернулся к Зеел.

— Тебе, наверное, было нелегко вновь очутиться в родном городе, — мягко сказал он.

— Да, — нехотя призналась Зеел. — Мне казалось, мои друзья должны ненавидеть меня за то, что я зибак. Да я и сама себе была ненавистна.

«Так вот в чём причина странного поведения Зеел в лабиринте!» — подумал Роуэн и сжал её Руку.

— Вот глупая! Почему же мы должны ненавидеть тебя?! — воскликнул Аллун.

— Ты не виновата, что в этой стране такие кровожадные люди, — добавил Жемчужник.

Повеселевшая Зеел с благодарностью посмотрела на друзей. Норрис тем временем переминался с ноги на ногу.

— Надо идти, — настойчиво проговорил он.

Ему определённо становилось не по себе, когда люди в его присутствии открыто выражали свои чувства. И снова Норрис напомнил Роуэну Силача Джона. И Джиллер, и даже Аннад. Все они, в отличие от Тири, прекрасно поняли бы Норриса.

«Норрис не похож на своих сородичей так же, как я на своих», — подумал Роуэн, принаравливаясь к медленным шагам Тири.

Приблизившись к домам, Роуэн увидел, что все они, кроме того, из которого вышел

Тири, пришли в негодность. Крыши были сорваны, двери висели на одной петле, окна зияли провалами.

Роуэн хотел узнать, почему дома находятся в таком ужасном состоянии, но в это же время Тири заговорил, отвечая на слова Жемчужника:

— По природе зиаки вовсе не кровожадные люди. Они суровы, но не более того. Жестоки только стражники. Они применяют силу не задумываясь. Многие простые люди мечтают убежать из страны. Но вот уже много лет дорога к морю закрыта, а это единственный путь к спасению. — Тири снова посмотрел на Зеел. — Скорее всего твои родители были из последних, кому удалось пробраться на побережье и раздобыть лодку. Они поплатились за это жизнью, зато ты обрела свободу.

Зеел опустила голову.

— Люди — узники города, точно так же, как мы — узники здесь, на ферме, — продолжил рассказывать Тири. — Город обнесён высокими стенами, и крылья рабочих гарчей каждый год подрезают, чтобы никто не мог на них улететь. Но ведь животным от этого очень больно!

Последние слова он произнёс с такой печалью, словно это было самое ужасное во всей истории.

— Стражникам позволено всё, — проворчал Норрис, с ненавистью глядя на человека в клетке. — Против них никто не может ничего сделать.

— Но скоро всё будет иначе, — добавил Тири. — Я чувствую: грядут перемены.

Норрис недоверчиво хмыкнул.

Они уже подошли к дому. Тири открыл дверь, и Роуэн застыл на пороге. Ему не терпелось увидеть Аннад, но в первое мгновение он оторопело озираясь по сторонам, пытаясь понять, почему комната кажется ему такой знакомой.

Действительно, по размеру и форме она поразительно напоминала комнаты ринских домов. Вот только в Рине люди скромно обставляли свои жилища и держали в них лишь самые необходимые вещи, а эта комната так и сверкала яркими красками.

Длинные голубые занавески обрамляли окна. Пол был устлан живописным ковром, а по стенам висели картины. Гора вышитых подушек громоздилась на диване. Каминную полку украшала жёлтая ваза с цветами.

— Мы с внучкой постарались к твоему приезду, — пояснил Тири. — Рад, что тебе понравилось. Но ты, наверное, прежде всего хочешь повидаться с сестрой.

Роуэн последовал за стариком по узкой винтовой лесенке. За ними двинулись все остальные.

— Это я, Шаран, — сказал Тири, входя в чердачную комнатку.

А там, на узкой кровати, укрытая красивым вышитым одеялом, крепко спала Аннад. В воздухе витал аромат лекарственных трав.

Худенькая темноволосая девочка вскочила со скамейки с раскрытой книжкой в руках и испуганно смотрела на Роуэна.

— Это брат Аннад пришел вместе со своими друзьями, — успокоил её Тири. — Роуэн, познакомься с моей внучкой Шаран.

Шаран была одного возраста с Роуэном. Она смущённо улыбнулась, и удивлённому Роуэну показалось, что он где-то встречал её прежде. Мальчик понимал, что это невозможно, но это ощущение не проходило.

— Как хорошо, что ты пришёл, — сказала Шаран. — С тех пор как Аннад попала к нам,

она почти всё время спит. Но когда просыпается, сразу зовёт тебя.

Роуэн на цыпочках приблизился к кровати. Лицо Аннад было бледным и исцарапанным, но девочка мирно спала. Роуэн вздохнул с облегчением.

Тем временем Аннад почувствовала его взгляд и открыла глаза. Она посмотрела на Роуэна без тени удивления и улыбнулась ему.

— Я знала, Роуэн, что ты придёшь за мной, — проговорила она. — Поэтому я нисколько не боялась.

Роуэн улыбнулся в ответ:

— Ты никогда не боишься.

Он склонился над Аннад, и из-под рубашки у него выпал медальон. Роуэн услышал, как за его спиной кто-то непроизвольно вскрикнул, но он не мог повернуть голову, потому что Аннад крепко схватила украшение.

— Красивый, — зевая, сказала она.

— Спи спокойно, Аннад. Я никуда не уйду и буду здесь, когда ты проснешься, — пообещал Роуэн.

— И ты отвезёшь меня домой, — вяло проговорила Аннад. Слипаящимися глазами она смотрела на Шаран. — Я же тебе говорила, мой брат — замечательный герой, — пробормотала она, затем отпустила медальон и уснула.

Роуэн выпрямился и отошёл от кровати.

«Домой? — подумал он. — Попадём ли мы когда-нибудь домой?»

Он обернулся и увидел, что Шаран обнимает своего дедушку, а у того на глазах блестят слезы.

— Я знал, что когда-нибудь ты придёшь, — дрожащим голосом проговорил Тири. — Я верил в это. А до меня мой отец и все в нашей семье. И мы продолжали рисовать на шёлке, ожидая тебя и медленно вымирая.

Роуэн не понял ни слова и немного испугался, уж не сошёл ли Тири с ума. Он беспомощно взглянул на Шаран и увидел, что та дрожит.

— Дедушка, надо объяснить Роуэну, в чём дело. Он же ничего не знает, — шепнула она, а потом обратилась к Роуэну: — Когда появилась Аннад, мы почувствовали, что наконец-то это произошло. То, чего мы так долго ждали. Мы увидели лицо Аннад и её решительность... — Шаран с трудом удерживалась от слёз. — А затем... теперь... мы увидели медальон... Это огромная радость... Но и неожиданность.

У Роуэна голова пошла кругом.

— Что... это... за место? — запинаясь, спросил он. — И кто вы?

— Мы твои сородичи, Роуэн, — мягко ответила Шаран. — Все, кто остался в живых. А это твоя родина. Это Рин.

17. Цветные тени

— Да как вы можете быть моими сородичами?! Я же вас раньше никогда не видел. И это не Рин! Рин далеко за морем! — запальчиво проговорил Роуэн.

На лицах стоявших в дверях Аллуна, Жемчужника и Зеел застыло недоумение, и Шаран обернулась к дедушке за поддержкой.

— Шаран, скорее всего они назвали свою новую деревню в честь старой, — сказал Тири. — Они лишились памяти о прежней жизни, но в их сердцах сохранилось имя, и они использовали его, сами не зная почему.

— Кто? — взволнованно спросил Роуэн. — О ком ты говоришь?

— О твоих предках, — ответил Тири. — О наших сильных и мужественных соплеменниках, с которыми мы расстались три столетия назад.

Роуэн рот раскрыл от удивления.

Тири с едва заметной улыбкой тяжёло опустился в стоявшее у кровати кресло.

— Я очень устал. Шаран, детка, ты ведь ему всё покажешь? А я посижу рядом с Аннад.

Девочка взглянула на него с тревогой, но послушно кивнула. Захватив из комода большое покрывало, она спустилась по лестнице и вывела их на задний двор.

В дальнем конце двора, за грядками, возвышался стог сена, и Норрис уже почти полностью засыпал клетку. Рядом стоял гарч и мирно жевал траву. Заслышав шаги, он радостно поднял голову, но, увидев, что Тири не пришёл, равнодушно отвернулся.

По каменным ступенькам Шаран провела гостей в глубокий погреб, где хранились овощи. Там было темно и холодно, как в склепе. Девочка зажгла свечу, и угрюмые тени заплясали по стенам погреба.

Вытащив небольшой железный ломик, Шаран пошла с ним в самый укромный дальний угол и вставила в щель между камнями. Зеел и Аллун налегли на лом, и камень подался. За камнем оказалось тёмное отверстие. Запустив в него руку, Шаран принялась вытягивать длинную цепь, на конце которой, словно рыба на крючке, болтался небольшой ларец.

Шаран поставила его на пол и открыла. Внутри находилось множество свитков шёлка. Каждый из них был перевязан витым шнурком — точь-в-точь таким же, как тот, что висел у Роуэна на шее. Некоторые из свитков казались более новыми, другие выглядели очень древними.

— Что это такое? — не выдержал Аллун.

— Это наша история, — объяснила Шаран. — Сейчас я вам покажу.

Она расстелила на грязном полу покрывало и принялась разворачивать и выкладывать на него шёлковые полотнища — одно за другим, начиная с самого старого.

В мерцающем блеске свечей казалось, что нарисованные цветные фигуры спрыгивают с шёлковой основы и заполняют собой пространство. В чистых ярких красках оживали давно прошедшие времена. Вот селение, полное людей, которые живут в крепких и ладных домах. Пёстрые гарчи тянут на полях плуги. Поодаль стоят зибакские стражники. Рядом с ними изображены кнуты, цепи и железные клеточки.

Рука у Роуэна запульсировала от боли.

Оживут цветные тени

В боли прежних поколений...

Каждый свиток рассказывал свою историю, но все вместе они слагались в единое повествование — грустное, порой ужасное, охватывающее три долгих столетия...

— В давние времена, Роуэн, наши народы составляли единое целое, — сказала Шаран, указывая на самые древние свитки. — Наши предки так долго были рабами зибак, что предания прежних времён стёрлись из их памяти, ведь зибак убивали всех, кто помнил и говорил о свободной жизни. Мы работали на полях и кормили жителей города. И нас было много. Одни были смелыми, другие робкими. Одни сильными, другие слабыми. Кто-то умел рисовать, и шить, и исцелять болезни, а кому-то было по душе сражаться и играючи выполнять самую тяжёлую работу.

Слова лились сами собой, и было видно, что девочка знает историю своего народа назубок. Но глаза её смотрели печально, и во время рассказа она заново переживала то, о чём говорила.

— Три столетия назад предводители зибак задумали покорить заморские земли. Они и прежде сражались с тамошними людьми и знали, что те так просто не сдадутся и битва будет нелёгкой. Поэтому зибак решили усилить своё войско. Они отобрали самых сильных и смелых и обучили их воинскому мастерству, чтобы затем...

В ушах Роуэна так шумело, что он едва слышал слова Шаран. Да впрочем, он и не нуждался в объяснениях. Все события были запечатлены на шёлке.

— Стражники окружили жителей селения и загнали их в клетки на колёсах, запряжённые гарчами. Сыновья и дочери навсегда расставались с матерями, брат разлучался с братом, мужья с женами.

В клетки попали самые сильные и высокие люди. Они напоминали Роуэну его родных и соседей. И Норриса. Те же, кто остался, — такие, как Шаран, как Тири, как сам Роуэн, — были слабыми и не годились для войны.

Шаран указала на согбённую женщину, приникшую к одной из клеток. В руках у неё была связка целебных трав, и выглядела она очень мудрой. Сквозь прутья решётки она передавала что-то молодой женщине, находившейся внутри. Роуэн склонился над полотнищем и с изумлением увидел, что это был медальон на плетёном шёлковом шнурке.

— Это он и есть, — проговорила Шаран. — Тот самый, что висит у тебя на шее. Ваши люди хранили его все эти триста лет, и теперь он вернулся обратно. Мы никогда не оставляли надежды, что так и случится.

— Значит, вы знали, что ваши сородичи не погибли? И что они восстали против зибак? — удивился Роуэн.

Шаран кивнула на следующий свиток, где яркими красками изображалась битва. Зибак вынуждены были отступить и уйти обратно к морю. Вместе с их бывшими рабами против них сражались водяные люди с рыбьими хвостами и бродники — свирепо хохочущие и покрытые перьями.

— У водяных людей нет хвостов. — Жемчужник не скрывал обиды.

— Да и бродники совсем не похожи на злых духов, — улыбнулась Зеел.

— Мои предки не могли правильно изобразить то, чего не видели собственными глазами, — извиняющимся тоном сказала Шаран. — Они узнали обо всём от тех зибак, которые сумели вернуться. От них-то мы и прослышали, что наши сородичи поселились в новых землях.

— И радостно позабыли про тех, кто остался в рабстве, — резко проговорил Аллун.

— Не суди их так строго, Аллун, — вмешался Роуэн. — Зибак умеют властвовать над

умами. Скорее всего они лишили своих воинов воспоминаний о прошлом, чтобы те сражались, не думая о своих родных.

— Да, — подтвердила Шаран. — Именно поэтому мои предки пренебрегли опасностью и запечатлели нашу историю на кусках шёлка. Чтобы наши пропавшие сородичи, если им суждено когда-нибудь вернуться сюда, могли узнать о своём прошлом. Даже если никого из нас к тому моменту не останется в живых.

Роуэн посмотрел на последние полотнища. На них люди по-прежнему работали на полях, только ещё тяжелей и печальней, чем прежде.

Стража хватала всякого, кто осмеливался выказать хоть малейшее неповиновение, и уводила в Пустынные земли. Постепенно поля зарастали, а дома приходили в упадок. И вот уже сами зибакки начинают работать на ферме, чтобы прокормить город. На последнем рисунке было всего три человека — старик и двое детей, стоящие у свежей могилы.

Оживут цветные тени
В боли прежних поколений...

— Мои родители завели детей только потому, что в нашей семье искусство росписи шёлка никогда не прерывалось и они хотели, чтобы мы продолжали это дело, — пояснила Шаран. — Они с самого начала поняли, что у Норриса нет склонности к рисованию, поэтому родилась я. Но мы — последние.

Итак, Тири, Норрис и Шаран — последние, кто остался от тихих, мягких сородичей Роуэна. Они предпочли пресечь свой род, но не растить детей в неволе. И Роуэн отлично их понимал. Он и сам испытывал бы те же чувства и принимал бы такие же решения. Наконец ему стало ясно, почему он так отличается от своих односельчан и почему люди вроде него бывали в Рине и прежде.

Жители Рина могли позабыть о тех, кто остался в далёких землях. Но у человеческой природы долгая память. Снова и снова, словно чёрные телята в стаде букшахов, в Рине рождались странные, чудаковатые люди. Такие, как Роуэн. Все они были похожи на своих родственников, о существовании которых даже не подозревали.

— Последний рисунок дедушка сделал семь лет назад, когда наши родители умерли от лихорадки, — сказала Шаран. — С тех пор он не прикасался к шёлку, да и рисовать было больше нечего.

— Теперь есть, — заметила Зеел.

— Да, — согласился Аллун. — Но только сейчас нам не до рисования. Здесь находится опасно. Жемчужник беспокоится. Я уже вижу, как он бьёт хвостом от нетерпения.

Шаран громко расхохоталась, но тут же прикусила губу и опасливо взглянула на водяного человека. Но тот лишь прохладно улыбнулся.

— Конечно, я обеспокоен, — отозвался он. — И если бы у меня был хвост, он бы извивался, как у змеи. Мы должны как можно скорее выбраться отсюда. Но нам нужна помощь.

— Мы с Норрисом поможем вам, — горячо пообещала Шаран. — Среди людей, которые работают на полях, у нас есть надёжные друзья. Когда придут стражники, мы их задержим, пока вы...

— Нет, Шаран, — вмешался Роуэн. — Мы одни не уйдём. Вы пойдёте с нами.

— Да мы же не можем! — Шаран уставилась на него в изумлении. — Нас не выпустят стражники.

— Нас они тоже постараются не выпустить, — преувеличенно бодро проговорил Роуэн. — Собирай шелка. Мы возьмём их с собой.

Дрожащими руками Шаран принялась сворачивать свитки.

— Роуэн! — Лицо Жемчужника было очень серьёзным, и Роуэн понимал, о чём думает водяной человек. Только чудом они сумели оказаться так далеко. Обратный путь будет гораздо тяжелее. А тут ещё четверо новых спутников, среди которых маленький ребёнок, робкая девочка и дряхлый старик...

Но Роуэн никого не мог оставить на произвол судьбы. Под рубашкой он нащупал свёрток, который дала ему Шеба, вытащил оттуда прутик и сунул его в пламя свечи.

Зелёный отсвет озарил каменные стены, неподвижные фигуры друзей и испуганное лицо Шаран. Пылающая боль. Усмешка Шебы.

Враг у ворот. Пришёл черёд,
Отринув страх, смотреть вперёд.
От клятвы смерть освободит,
Конец в начале будет скрыт.
Твой час настал. Верёвкой к зверю
Крепись, чтоб в сердце боль умерить.

С трудом преодолев волну усталости и отчаяния, Роуэн повторил эти стихи. В ответ никто не произнёс ни слова. Да и что тут скажешь?

Но очевидно, у стихотворения был скрытый смысл.

— По-моему, в нём не говорится, что нам неизбежно грозит неволя или смерть, — неуверенно предположил Роуэн.

— Да Шеба с самого начала нам это предрекла, — горько промолвил Аллун.

Роуэн понял, что Аллун вспоминает строки, о которых они избегали говорить, но которые преследовали их с самого начала пути:

Пять ушли. Придут не пять...

Шаран посмотрела на упавшую на пол промасленную тряпку. Рядом валялся пучок увядшей травы и один-единственный прутик.

— Ещё... ещё один остался, — запинаясь, сказала она. — Может быть, рано отчаиваться.

Роуэн быстро взглянул на девочку. Её лицо побледнело, но она изо всех сил боролась со страхом и не давала ему овладеть собой.

Значит, и он сам не может себе этого позволить.

— Ты права, — признал Роуэн, складывая ткань и пряча её под рубашку. — Наша история ещё не закончилась.

По ступеням загрохотали чьи-то шаги. Затем дверь рывком отворилась и в погреб влетел Норрис с сонной Аннад на руках.

— Сюда идут стражники! — сказал он. — Люди задержат их у ворот, но надо спешить!

Если они застанут вас здесь, мы все погибнем!

18. «Конец в начале будет скрыт»

Снаружи их уже ожидал крайне встревоженный Тири. Гарч беспокойно шипел у него за спиной, и старик легонько похлопывал его по шее. Тем временем остальные обсуждали, что делать дальше.

— Через Пустынные земли мы во второй раз не пройдем, — твердо сказал Аллун.

— В пророчестве говорится: «Конец в начале будет скрыт», — возразил Жемчужник. — Наше путешествие началось на море. Надо попробовать добраться до берега и украсть лодку.

— Какая жалость, что мне пришлось бросить змея вместе с одеждой! — раздосадованно воскликнула Зеел. Затем она повернулась к Норрису. — Ты можешь показать самый короткий путь к морю?

— Могу, — мрачно ответил Норрис. — Но это тебе не поможет. Город окружен стеной, и только со стороны Пустынных земель нет постоянной охраны. К тому же все ближние подступы к берегу огорожены колючей проволокой.

— Но наверняка... — начал Аллун.

Норрис чуть не лопался от злости.

— Если бы убежать было так легко, как ты думаешь, мы бы не сидели здесь столько лет! — закричал он, сжав кулаки. — Я не трус и не дурачок! Как по-твоему, почему я остаюсь в рабстве?!

Тири только вздохнул, глядя на эту вспышку гнева, но Роуэн отлично понимал Норриса. Любой житель Рина повел бы себя точно так же.

— Мой друг, мы не сомневаемся ни в твоём мужестве, ни в твоём рассудке, — спокойно проговорил Жемчужник. — Но теперь рядом с тобой мы. И это меняет дело.

— Да ну? — издевательски протянул Норрис. — Чем же?

— Тем, что, если мы сумеем убежать из города, мы по крайней мере знаем, куда плыть, чтобы оказаться в безопасности, — пояснил Роуэн.

— О чём ты говоришь? — нахмурился Норрис. — Неужели ты ещё не понял! Ваша страна обречена! Зиаки убедились, что с воздуха вас легко одолеть. И они не теряют времени даром! Прямо сейчас на главной площади собирается огромная армия боевых гарчей. Уже к вечеру ваша страна будет завоёвана!

— Наша страна не будет завоёвана никогда! — отрезала Зеел. — Наши люди смогут за себя постоять.

Норрис покачал головой:

— Боевого гарча одолеть невозможно. Его кожа крепка, как броня. А когти, зубы и хвост несут смерть всему, что попадётся ему на пути.

— Но ваш гарч выглядит таким смирным, — заметил Роуэн, глядя, как огромный зверь ласково сопит под рукой Тири.

Норрис нетерпеливо пожал плечами:

— Унос — рабочий гарч. Для войны специально выращивают боевых гарчей. Их тренируют по запаху отыскивать животных, которые водятся только в вашей стране. У зиаков осталась шкура такого зверя, которую они привезли ещё с Великой Равнинной войны.

— Да ведь это было триста лет назад! — поразился Аллун.

— План вторжения с воздуха в Главном штабе обдумывали тоже не один год, — сказал

Норрис. — На это ушло много сил. Простым людям эта затея не нравится, но им объясняют, что война необходима для их же собственной безопасности.

— Ложь, — спокойно заметил Жемчужник. — Мы сражаемся, только чтобы себя защитить.

— Многие об этом догадываются, — проговорил Тири, глядя на поля. — Сколько веков людей заставляют работать и умирать ради бессмысленных войн! Но скоро гнев станет сильнее страха. Уже ходят слухи о грядущем восстании.

— Но именно поэтому в Главном штабе делают ставку на эту войну, — вставил Норрис. — Предводители считают, что новые земли и новые рабы помогут обуздать недовольство.

Роуэн содрогнулся, и тут же издали донеслись громкие голоса. Стражники были уже у ворот фермы!

— Надо немедленно бежать! — выпалил Аллун. — Норрис, ты поведёшь нас к морю или нет?

Норрис молчал.

— Если Норрис не хочет, вас поведу я!

Все с изумлением посмотрели на Шаран. Они совсем про неё забыли. Но сейчас её лицо горело, а глаза смотрели очень решительно.

— Я тоже знаю дорогу, — заявила она.

— Нет, Шаран! — взмолился Тири, а Унос тихо завыл, чувствуя страх своего хозяина.

— Ты только зря погибнешь, — сказал Норрис. — К морю дороги нет.

— Норрис! У нас есть единственный шанс! — вскричала Шаран. — Надо его использовать!

Тири перевёл взгляд с одного внука на другого и неожиданно странно улыбнулся. Затем он поцеловал Шаран и положил руку на плечо Норрису.

— Дорогие мои, вы оба правы, — слабо проговорил он. — Простите меня за сомнения. Страх всегда был моим главным врагом. Вы оба научили меня мужеству. — Он вновь похлопал по шее Уноса и заторопился к стогу сена. — Но прежде нужно позаботиться о раненом стражнике. Он наверняка уже пришёл в себя, — на ходу пояснил он.

— Нет! — выкрикнул Норрис.

— Да он спятил! — взорвалась Зеел.

— Мы не можем его ждать, — вмешался Жемчужник. — Нам надо идти.

— Дедушка! — Шаран сунула Роуэну ларец со свитками и бросилась вслед за стариком. — Дедушка! У нас нет времени!

— Отойди, Шаран! Это мой долг! — Тири принялся поспешно раскидывать стог.

Унос раскрыл крылья и, чуть взлетая над землей, устремился вслед за хозяином, словно птица, которая хочет защитить своих птенцов.

Внезапно Роуэн кое-что понял. Он обернулся к Норрису.

— У вашего гарча не подрезаны крылья! — изумлённо воскликнул он.

— Ну да. Дедушка уже много лет подкупает стражников, чтобы они не трогали Уноса, — резко ответил Норрис. — Но он дал слово, что, покада жив, не позволит Уносу летать. Так что в Главном штабе ничего не знают о неподрезанных крыльях.

Новая мысль осенила Роуэна. Гарч унёс Аннад. Это и было началом. Полётом гарча всё и должно закончиться.

— Унос такой большой, что может унести нас всех разом! — выкрикнул Роуэн. — Мы

можем...

Норрис мрачно покачал головой:

— Дедушка дал слово и никогда его не нарушит. Даже если... — Внезапно глаза Норриса расширились, и в тот же миг Шаран завопила не своим голосом.

Тёмная фигура выскочила из глубины стога. Это Зэнел сумел выбраться из клетки.

— Раб! Предатель! — с искажённым лицом орал он. — Ты посмел меня запереть!

Тири безвольно болтался в руках стражника. Лезвие кинжала блеснуло на солнце и вонзилось в сердце старика.

Шаран издала вопль отчаяния и кинулась к тяжёло упавшему Тири. Зэнел схватил её, и девочка завопила ещё пронзительнее.

Под леденящий душу рёв Уноса, который оплакивал своего хозяина, все с криками бросились ей на помощь.

— Стоять! — рявкнул Зэнел и снова поднял кинжал. — Если пошевелитесь, я её тут же убью. Дурачьё! Вы думали, меня легко обезоружить? Я всегда в башмаке прячу кинжал! И замок в клетке для стражника не помеха! Ложитесь! Вон туда, в грязь. Иначе девчонке придётся худо.

— Бегите! — прорыдала Шаран, пытаясь вырваться из железной хватки стражника. Слезы катились по её лицу. — Не думайте обо мне! Бегите!

Зэнел грубо дёрнул Шаран, чтобы заставить её молчать, и наступил на неподвижное тело Тири.

Жёлтые глаза гарча вспыхнули огнём. С грозным клёкотом Унос смотрел на убийцу своего хозяина.

Зэнел изумлённо уставился на него. Он всегда считал гарчей бессловесными тварями, способными лишь на чёрную работу. И он никогда ещё не видел гарча в такой ярости.

Страх появился на лице стражника.

— Назад, гарч! — неуверенно приказал Зэнел.

Унос оскалил зубы. Его раздвоенный язык затрепетал, впитывая страх врага. Шипы на спине встали дыбом.словно увеличившись в размере, гарч медленно двинулся к Зэнелу, раскрыв крылья.

— Назад! — отступая, надрывался Зэнел.

Сначала он попытался ударить Уноса кинжалом, который теперь превратился в жалкую игрушку, потом повернулся, отшвырнул Шаран в сторону и бросился бежать.

Гарч замер, и Роуэн решил, что Унос позволит стражнику уйти. Но тут тройной хвост гарча дрогнул, словно плеть, унизанная шипами, и со страшной силой ударил Зэнела. Тот коротко вскрикнул и замертво рухнул на землю.

Роуэн трясся от ужаса. Он слышал рыдания Шаран, возгласы Аллуна и визг Аннад. Но затем он посмотрел на приближающегося Уноса. Мощные крылья волочились по земле, вздымая облако пыли, а гневный огонь в глазах утих, сменившись приглушённой печалью. И Роуэн вспомнил слова Шебы:

Враг у ворот. Пришёл черёд,
Отринув страх, смотреть вперёд.
От клятвы смерть освободит.
Конец в начале будет скрыт.

С тяжёлым вздохом он подошёл к Шаран.

— Не плачь, — мягко проговорил он. — Твой дедушка сам выбрал себе такую смерть. Его клятва умерла вместе с ним, и теперь Унос может лететь. Он и доставит нас домой.

19. Конец

Гарч летел на запад. Он устал и проголодался, ведь он провёл в воздухе уже много часов, но мягкий голос мальчика, ободряющие слова и ласковое похлопывание его рук давали силы лететь дальше. В жёлтых неподвижных глазах гарча не было мыслей — только одно-единственное устремление. Следуя запаху, он должен был долететь до определённого места и доставить туда людей, сидевших у него на спине.

Море осталось далеко позади, и теперь гарч летел над зелёными холмами. Между ними извивалась ярко блестящая на солнце Река, а впереди поднималась Гора, вершина которой скрывалась в облаках.

Но гарч не полагался на зрение. Не полагался он и на слух, оглушённый свистом ветра и шумом крыльев. Лишь раздвоенный язык, без усталости трепетавший в раскрытой пасти и жадно ловивший запахи, указывал ему дорогу.

Гарч знал, что он уже близок к цели. Запах всё усиливался — приятный запах дыма и трав, от которого пасть гарча наполнялась голодной слюной. Он даже знал название этого запаха.

«Шеба», — ласково говорил мальчик, размахивая перед гарчем свёртком промасленной ткани и извлекая оттуда мягкие стебельки бледной травы, восхитительный кисло-сладкий вкус которых так хорошо сочетался с запахом дыма. Когда люди вскарабкались на спину гарча и крепко привязали себя верёвками, мальчик тоже сказал это слово: «Шеба. Ищи».

И тогда гарч расправил крылья и полетел. Над пустыми разрушенными домами, над полями, на которых работали люди, и над отрядом стражников. Люди радостно окликали беглецов и махали им вслед, а стражники грозно вопили. Гарч пролетел над городом, над башней, на вершине которой по ночам горит огонь, над выстроившейся на плацу армией боевых гарчей, над суетившимися фигурами в серой одежде. Затем он миновал сияющую стену и без усталости поднимал и опускал крылья, пока внизу проплывали раскалённые Пустынные земли, вспененное море, острые утёсы и, наконец, зелёные холмы.

Всё отчетливее становился запах Шебы. Запах боевых гарчей и зибиков тоже был сильным и всё нарастал. Но Унос ощущал и другие запахи. Некоторые он знал, но два ему прежде никогда не встречались. Первый — это запах тёплых животных. Он не таил угрозы, зато второй запах был полон опасности. Огненный и в то же время ледяной, это был запах обжигающего дыхания, ядовитых клыков и древней силы.

Жёсткие шипы на спине у гарча от беспокойства встали дыбом. Но тихий голос мальчика звучал успокаивающе. Поэтому жёлтые змеиные глаза не дрогнули, а пёстрые чешуйчатые крылья не замедлили движения. С каждым взмахом крыльев гарч приближался к Рину.

Звёздочка пристально смотрела в ярко-голубое небо. Вершина Запретной Горы, как всегда, скрывалась в облаках, но остальное небо было чистым и прозрачным. Два змея, белый и красный, парили в воздухе. Тем не менее определённо надвигалась опасность, а вместе с ней и что-то желанное. Запахи перемешивались. Бок о бок надвигались доброе и злое.

Звёздочка уже увела стадо в самую низменную часть пастбища, рядом с водопоем. Теперь она стала выстраивать букшахов в круг. Пора! Все птицы уже давно спрятались, и Звёздочка отчетливо слышала крики, доносившиеся из деревни. Люди вооружились и

держали в руках зажжённые факелы. А за домами, на вершине холма, словно одинокое дерево, застыл Огден, предводитель бродников. Он не отрываясь смотрел на небо и напряжённо вслушивался.

Но Звёздочка думала только о стаде. Её долг — защитить телят. Она неподвижно стояла на месте, нюхая воздух. Звёздочка была готова к опасности и сделала всё, что могла.

— Мы же не знаем точно, где они приземлятся, — задыхаясь, проговорил упитанный кондитер Солла, изо всех сил торопившийся на луг. Он крепко сжимал в руках острое копье и опасливо озирался по сторонам.

— Мы ничего не можем знать наверняка, — отрезала старая Ланн, которая прихрамывая двигалась за ним следом. — Вот почему бродники стоят на холмах в дозоре, а я поставила людей и на площади. Но Тимон считает, что зверей обучают находить нас по запаху букшахов. А коли так, они должны приземлиться на лугу.

Ланн тяжело опиралась на палку, но в другой руке она тоже держала копье, которое собственноручно заточила. Некогда Ланн была первой воительницей Рина, и преклонный возраст не умерил её решимости защищать свой дом до последней капли крови.

Она остановилась, отдышалась и принялась дальнотзорными глазами вглядываться в небо. Она различила крошечные фигурки Тора и Митрена, которые беззащитно покачивались в воздухе, высматривая врага. Ланн восхитилась их мужеством и пожалела, что прежде так часто ворчала на бродников за их весёлый нрав и непоседливую жизнь.

«И как я только могла забыть? — удивилась она. — Ведь на Великой Равнинной войне я сама сражалась вместе с бродниками и водяными людьми против общего врага! Ведь я, единственная из всех, должна была помнить, что в трудную минуту на бродников можно положиться. Но я обо всём забыла!»

Ланн взглянула на стоящую неподалеку Бронден. Та тоже смотрела на небо. Лицо её было измождённым. Ланн знала, что Бронден почти не спала с того самого дня, когда чудище похитило Аннад и пастух букшахов Роуэн, Жемчужник из рода панделлисов, хлебопёк Аллун и бродница Зеел отправились в погоню.

Прежде Бронден и в голову не могло прийти, что чудики — эти странные люди, к которым она относилась с презрением, — отважатся на то, на что у неё самой не хватало смелости. Бронден была потрясена до глубины души.

Её глаза расширились, потому что воздушные змеи вдруг стали резко снижаться, будто птицы, ныряющие за рыбой. На холме Огден поднял руки.

Враги стремительно приближались.

Ланн напряглась, крепче взяла копье и заторопилась на луг. Бронден шагала с ней рядом.

— Живыми мы не сдадимся, — резким осипшим голосом проговорила она. — Наши люди готовы умереть, но не стать рабами.

— Надо думать не о смерти, а о победе, — ледяным тоном отозвалась Ланн.

Так и пристало говорить предводителю войска, но Ланн с тяжёлым сердцем оглядела ожидавших её на поле людей. Все они были полны решимости и отваги, но их было совсем мало. И много ли может их оружие против крылатых чудищ?

Впереди, возвышаясь над всеми, стоял Силач Джон. Рядом с ним Джиллер и Марли с луками в руках. Они выглядели отчуждёнными от толпы. Их бледные лица несли печать глубокой утраты. Все трое застыли плечом к плечу, готовые не к битве за свободу, но к

отмщению.

Ланн пробралась сквозь толпу и подошла к ним:

— Вы видели Шебу? Она с вами говорила?

— Всё по-прежнему, — бесцветно ответила Джиллер. — Она не шевелится. Лицо покрыто пеплом, и пауки уже оплели её кресло паутиной. А огонь вспыхивает зелёным пламенем и не позволяет подойти поближе.

— Это болезнь? Или она в трансе? — нахмурилась Ланн.

— Не знаю. Она не шевелится, как бы громко мы её ни звали. Глаза у неё закрыты, но она дышит.словно её дух бродит вдали от тела.

— Смотрите! — вскрикнул Джон.

На горизонте появилась чёрная точка. С каждым мгновением она увеличивалась. Воздушные змеи поспешили навстречу к ней.

— Всего один! — с облегчением воскликнул кто-то в толпе.

— Наверно, это тот же самый прилетел за другим ребёнком. Ничего, на этот раз мы готовы!

— Огден сказал, что чувствует ужасную опасность, — покачал головой Джон. — Гораздо большую, чем прежде. Если это всего одно чудище, то остальные летят следом.

Застыв на месте, люди следили за приближением тёмной тени. Вот уже видны мощные крылья. Воздушные змеи стремительно бросились к чудищу, и оно начало снижаться.

— Ага! Боится, — ухмыльнулся Джон.

— Я вижу у него на спине людей, — внезапно сказала Марли.

Джиллер распрямила плечи и медленно положила стрелу на тетиву.

— Воздушные змеи! — пронзительно закричала Аннад и нетерпеливо заёрзала на месте, стараясь помахать Тору и Митрену, но ей мешала верёвка, которой она была привязана к гарчу.

Роуэн почувствовал, как вздрогнул Унос.

— Тихо, Аннад! — велел он, а затем, вытянув руку, похлопал гарча по чешуйчатой шее.

Он уже заметил, что это очень нравится Уносу. Роуэн понимал, что гарч смертельно устал, и ему казалось, будто он сам ощущает боль натруженных крыльев и страх, таившийся в неподвижных глазах Уноса.

Твой час настал. Верёвкой к зверю
Крепись, чтоб в сердце боль умерить.

— Хороший Унос, — уже в который раз за долгий перелёт протяжно проговорил он на ухо зверю. — Скоро мы тебя накормим. Шеба даст тебе много травы. И прохладной воды. И ты отдохнёшь. Не бойся. Осталось совсем немного.

— Роуэн говорит с гарчем, как бабушка! Но неужели он думает, что гарч понимает его слова? — удивлённо воскликнул Норрис.

— Унос понимает, что Роуэн имеет в виду, — тихо ответила Шаран.

— Если бы Роуэн не подбадривал гарча, тот давно бы уже спустился вниз и отказался лететь, — заметил Аллун. — Унос не готовился к такому путешествию. Ты же сам говорил, что он вообще много лет не поднимался в небо. Мы залетели так далеко только благодаря Роуэну.

«Так вот, Шеба, в чём состоял мой удел, — мельком подумал Роуэн. — Но ведь в твоём свёртке остался ещё один прутик. Интересно, что он мне поведает?»

— Люди собрались на лугу! — выкрикнула Зеел. — Они вооружены. И они нас не видят! Они думают... — Ветер отнёс её слова в сторону.

И тут Роуэн увидел, как мимо промчался змей Митрена. Бродник ошеломлённо посмотрел ему в глаза и тут же поднёс к губам тростниковую дудочку.

«Только бы он успел!» — испуганно подумал Роуэн.

20. Ужас

— Лучники, получите прицеливайтесь! — приказала Ланн. — Не тратьте зря стрелы. Подождите, пока приблизится зверь.

В это время Силач Джон взглянул на вершину холма и с удивлением заметил, что Огдена там нет.

Джиллер, Марли и остальные лучники выступили вперёд. Им предстояло справиться с седоками. Люди, вооружённые мечами и копьями, стояли сзади. Они должны были сражаться с крылатыми чудищами.

Джон крепко сжимал в руках тяжёлый меч. Меч был отцовский. Со времен Великой Равнинной войны он лежал в сундуке, но теперь ему снова было суждено омыться зибакской кровью. Возможно, в последний раз.

Чудище приближалось. Но не с молниеносной быстротой, как первое, а медленно, словно изнемогая под тяжестью своей ноши. Теперь можно было отчетливо разглядеть отталкивающий облик зверя, но его седоки выглядели тёмными тенями на фоне яркого неба. Их было семеро.

— Семь целей, — проговорила Ланн. — Попасть в них будет нетрудно.

Воздушные змеи всё ещё кружили перед чудищем.

«Почему они не улетают? — подумал Джон. — Они же мешают стрелять. Огден должен приказать им приземлиться». Он снова взглянул на холм, но сказочник так и не появился.

Из облака на вершине Горы раздался низкий рокот. Дракону было беспокойно в своей ледяной берлоге. Люди обернулись посмотреть Гору, но лучники не сводили глаз с неба.

— Готовьтесь! — крикнула Ланн. — Когда пролетит белый змей.

Лучники подняли туго натянутые луки.

Звёздочка громко замычала, и Джон посмотрел на неё с удивлением. Это был не испуганный рёв, а радостное приветствие. Звёздочка била копытом о землю, однако не выходила из круга букшахов.

Ланн раздражённо цокнула языком, потому что стоило только белому змею отлететь в сторону, как тут же красный змей оказался между лучниками и зверем. Силач Джон услышал приглушённые крики Тора и Митрена. В воздухе раздавались и другие возгласы. И Джон с изумлением понял, что это кричат седоки. Но зачем? Разве что...

— Ланн!.. — позвал он.

Порыв ветра подхватил красного змея и отнёс его в сторону. Наконец-то цель открыта.

— Готовы? — закричала Ланн.

— Стойте! — Огден со всех ног бежал к ним, размахивая руками. Его лоб блестел от пота. — Уберите... оружие... — задыхался он. — Есть... послание. Это... друзья!

Ланн нахмурилась.

— Подождите, — приказала она.

Лучники застыли, держа зверя на прицеле.

— Что это значит? — резко спросила она. — Как они могут быть друзьями?

— Не знаю! — Сказочник посмотрел на небо. — Был сигнал: «Друзья. Не бойтесь!» Я побежал, чтобы вас предупредить. Никого другого вы бы не послушали. Положите оружие. Пусть они приземлятся.

— Зверь... — начала было Ланн.

Но в тот же миг Джиллер с радостным возгласом отбросила лук и, раскинув руки, шагнула навстречу приближающемуся чудищу.

— Роуэн! — говорила она. — Аннад! Роуэн! Аннад!

— Аллун! — прошептала Марли.

Она застыла на месте, крепко сжав лук. Лицо её побледнело ещё сильнее, чем прежде.

Силач Джон задрал голову и наконец тоже увидел... Увидел то, что не могло пригрезиться даже во сне. Потому что к спине зверя, который уже приземлялся на поле, были привязаны Роуэн, Аннад, Зеел, Жемчужник и Аллун. А вместе с ними на траву спустились двое незнакомцев — высокий крепкий юноша и хрупкая девочка, гораздо больше похожая на сестру Роуэна, чем живая непоседливая Аннад.

Не веря собственным глазам, Джон смотрел, как Джиллер обнимает своих детей, а Марли бежит к Аллуну. Он слышал неистовые крики обычно невозмутимого Жемчужника:

— Мы все живы! Но Шеба была права! Вернулись не пять! Вернулись семь! Семь!

Люди вокруг тоже кричали от радости. Огромный пёстрый зверь неуклюже двинулся к Реке, и букшахи испуганно замычали.

Старая Ланн ошеломлённо уставилась на незнакомцев.

— Итак, — тихо проговорил Огден, — Роуэн привёз их домой. Я должен был верить в него с самого начала. Но всё равно я боялся. — Он прерывисто вздохнул. — Да, время пришло. Но почему же их всего двое?

Джон с недоумением уставился на сказочника. Но Огден уже обнимал Зеел. Затем он похлопал по плечу Жемчужника и учтиво подвёл незнакомцев к Ланн.

— Это ваши сородичи, — объяснил он ей. — поприветствуй их, но оставь вопросы на потом. Боюсь, наши испытания ещё не закончились.

— Да! — воскликнул незнакомый юноша. — Вот-вот нагрянут зиаки. Их очень много!

— Сколько? — деловито осведомилась Ланн, которая была в первую очередь воином и умела забывать об удивлении и пустых разговорах.

Но прежде чем Норрис успел ответить, в толпе раздались испуганные возгласы. Все как один указывали руками на небо. Горизонт потемнел от множества теней. Сперва они походили на пчелиный рой, но с каждым мгновением, приближаясь, увеличивались в размерах. Огромная армия, обгоняя ветер, неслась вперёд.

Отчаянно замычали букшахи. У Реки беспокойно зашипел гарч. А Гора прямо затряслась от раскатов драконьего рыка. Пламя зажглось в облаках, окрашивая их в алый цвет.

— Лучники, по местам! — скомандовала Ланн. — Остальные — назад!

— Роуэн, присмотри за ней! — Джиллер подтолкнула к нему Аннад. — Отведи её на мельницу. Там все дети!

И она помчалась на своё место.

Люди зажгли новые факелы и подняли копья. Аллун, Зеел, Жемчужник и Норрис, вооружившись тем, что подвернулось им под руку, присоединились к защитникам Рина. Шаран, напротив, попятилась на край луга, где неподалёку от разожжённого костра лежала груда факелов. Девочка с испугом смотрела в небо и крепко прижимала к груди ларец с шёлковыми свитками, словно они могли уберечь её от опасности.

Роуэн тоже задрал голову. Небеса стремительно темнели. Враг молниеносно продвигался вперёд. «Их слишком много! — в отчаянии подумал Роуэн. — Нам их не одолеть».

Он дёрнул Аннад за руку.

— Аннад, отведи Шаран на мельницу, — велел он. — Скорее.

— Сам отведи её, Роуэн! — выкрикнула Аннад. — Я буду сражаться!

Она вырвалась из рук брата, схватила факел, подожгла его и принялась свирепо размахивать им над головой.

— Пусть делает что хочет, — с жалкой улыбкой проговорила Шаран, глядя вслед убегающей Аннад. — Она такая сильная и смелая! Совсем как Норрис. Да и все остальные. Как странно...

— Здесь это вовсе не странно, — мрачно заметил Роуэн. — Это мы с тобой белые вороны.

— Вдвоём мы почти стая, — через силу усмехнулась девочка.

— Шаран, иди на мельницу, — с болью в голосе взмолился Роуэн. — Ты найдёшь дорогу сама...

Слишком поздно. Войско зибакров уже несло над холмами, застилая солнечный свет.

Шаран опустила ларец на землю и зажгла факел.

— Надежды нет, да, Роуэн? — печально спросила она.

«Когда у тебя не останется надежды...»

Эти слова вдруг прозвучали в ушах Роуэна. Он нащупал за пазухой свёрток и вытащил из него последний прутик.

— Шаран, что бы ни произошло, не выпускай факела из рук.

С этими словами он сунул прутик в огонь.

Тут же в руке вспыхнула боль, и Роуэн застонал. Шаран резко всхлипнула, увидев в зелёных языках пламени страшное лицо Шебы. Но она придерживала одну руку другой, и факел почти не дрожал, пока раздавались слова:

Страх надвигается, как ночь.

Беги скорее с поля прочь.

Гнев пробудился. Мощь растёт,

Погибель силам злым несёт.

Незабываемый урок —

Злодеям он послужит впрок.

Отзвучали стихи, и с тяжёлым вздохом пламя погасло. Задыхаясь от изумления, Роуэн потряс головой, чтобы прийти в себя. Затем он оглянулся.

Жители Рина всё так же стояли с копьями в руках. Не дрогнул ни один! Рёв с вершины Горы был подобен грому. Букшахи, словно серые камни, застыли у водопоя. А кругом стремительно темнело. Казалось, наступает ночь. Тень врага уже нависла над полем.

Беги скорее с поля прочь.

На этот раз Роуэн не раздумывал и не задавал вопросов.

— Бери ларец и беги в сад! Спрячься между деревьями. Скорее! — велел он Шаран. Затем, размахивая руками, он помчался к жителям деревни. — Бегите отсюда! Прячьтесь в саду! — стараясь перекричать шум, надрывался он.

Люди зашевелились, словно трава под сильным порывом ветра.

— Стойте на месте! — вне себя от гнева рявкнула Ланн.

Роуэн подскочил к ней.

— Я не могу объяснить, но я знаю, что я прав! — вопил он. — Скорее! Скажи им! Скажи!

Ланн медлила, но Роуэн увидел, как Джиллер и Силач Джон сорвались с места и что было сил помчались к саду. Марли, Аллун, Жемчужник, Зеел и Норрис проталкивались сквозь толпу, а Тимон наступал им на пятки. И когда даже Бронден рванула прочь, призывая за собой Вэл и Эллиса, остальные тоже припустили без оглядки, спасая свои жизни.

Через мгновение посреди пустого поля остались только Роуэн и Ланн.

— Никогда прежде наши люди не отступали перед лицом врага, Роуэн, пастух букшахов, — задыхаясь от ярости, проговорила Ланн.

— Мы не убегает от врага, — тихо сказал Роуэн. — Мы освобождаем место... для урока.

Ланн непонимающе уставилась на него.

— Пойдём, Ланн, — взмолился Роуэн. — Пойдём в укрытие, и ты сама всё увидишь.

21. Урок

— Они бегут! Спасают свои ничтожные жизни!

Командир армии зибак с довольной улыбкой посмотрел на опустевшее поле. И тут же гарч, на котором он летел, резко дёрнулся, да так, что командир громко вскрикнул и едва не слетел на землю.

— Это из-за грохота и вспышек с вершины Горы, сэр, — пояснил возничий. — Бара их боится.

— Дурак! Как может боевой гарч испугаться какой-то Горы? Угости его кнутом! — рывкнул командир.

Но возничий не успел ни поднять кнут, ни даже ответить предводителю, потому что грохот перешёл все мыслимые пределы, и через мгновение зибак, не помня себя от ужаса, цеплялся за шею гарча. Командир орал во весь голос, заглушая даже испуганные вопли животного.

Облака, окутывающие вершину Горы, за клубились, и в них показался тот, кто не мог пригрезиться зибакам даже в самом страшном сне. Громадный, белоснежный, извергающий пламя, неистовый в своем гневе.

Рядом с ним ишкин показался бы жалким скрюченным червем, а гарч выглядел крылатой ящерицей из Пустынных земель. Из облаков появился могущественный властитель. Он презирал землю и всех, кто по ней ползает. Небеса были его царством. И никто не осмеливался вторгаться в его пределы!

Бара и остальные гарчи, нарушив боевой порядок, судорожно метались из стороны в сторону, оглашая воздух отчаянными криками. Верёвки, державшие их седоков, в мгновение ока истерлись, и стражники с огромной высоты падали вниз.

А Дракон ревел в беспощадном гневе, языками пламени опаливая землю.

— Помогите! — Это были последние слова командира зибакской армии, и в следующий миг он бесславно встретился с землей, на которую собирался ступить победителем.

Возничий Бары даже не посмел посмотреть, что случилось с его начальником. Из последних сил он вцепился в гарча, а тот с жалобным шипением и всхлипами мчался прочь, туда, откуда прилетел. Прочь от пламени и красных глаз злобного Дракона. Прочь от страны, которую он должен был покорить, но у которой обнаружился могущественный хранитель. Отныне и до конца своих дней Бара будет бояться огня и прятаться, слышав даже отдалённые раскаты грома.

Когда всё закончилось, жители Рина вышли из укрытия. Никто из них не пострадал. Все были живы и здоровы.

— Они больше никогда не вернутся, — сказал Тимон. — Мы даже представить себе не можем, какой урок получили сегодня зибак. Те, кто выжил, разнесут весть о том, что произошло. Теперь с небес мы защищены даже лучше, чем с моря.

Незабываемый урок —

Злодеям он послужит впрок.

— Это Дракон... Повелитель Горы... Я и не чаяла увидеть его собственными глазами.

Дрожащей рукой Ланн оперлась о плечо Роуэна.

Земля на лугу была выжжена. Озерцо букшахов всё ещё кипело. Но стадо уже двигалось по берегу Реки, и телята обнюхивали странного пёстрого, но определённо неопасного зверя, неуклюже ступавшего по травянистому склону. А Звёздочка искала Роуэна. Наконец она его заметила и, радостно фыркнув, бросилась к нему, вздымая тучи пыли, перемешанной с пеплом.

— Если бы мы остались на поле... — Эти слова пришли на ум каждому и поползли по толпе. — Если бы не Роуэн...

— Дурачьё! Вас спас не Роуэн. Вас спасла я!

Дребезжащий голос более всего походил на скрип разошедшейся двери.

Заслышав его, Унос оторвался от травы, поднял голову и стремглав помчался вверх по откосу.

Шеба вышла из-за деревьев. Слипшиеся пряди волос, словно крысиные хвосты, падали ей на лицо. Ветхая одежда пропахла дымом и горькими травами.

— Иди сюда, мальчишка-зайчишка! — велела она.

Роуэн оставил Звёздочку и Ланн и медленно двинулся вперёд. Он слышал, как следом за ним с довольным шипением ковыляет Унос. А люди, напуганные появлением гарча, опасливо отступали в сторону.

— Итак, ты вернулся, Роуэн, пастух букшахов, — зловеще проговорила Шеба, — Ты и все твои друзья-чудики, да ещё притащили двух новых в придачу!

Она насмешливо посмотрела на Норриса и Шаран и хрипло захохотала. Норрис нахмурился, а Шаран поёжилась.

— Ты была с нами, Шеба, — тихо заметил Аллун.

— Хорошенькую же свистопляску вы мне устроили, — отозвалась она. — Дни и ночи напролёт смотреть на вас. Дни и ночи напролет без еды и сна...

— Мы очень многим тебе обязаны, — сказал Роуэн.

— Ещё бы! — выкрикнула Шеба. — И я пришла за тем, что мне причитается! — Она вытащила мятый листок. — Ты сам это написал. Ты обещал мне подарок!

Роуэн бросил взгляд на берег Реки, где чёрный телёнок беззаботно играл с другими букшахами, и ему показалось, будто костлявая рука сжала его сердце. Но он же дал слово.

— Я помню, — ответил он Шебе.

Старуха ухмыльнулась, обнажив черные зубы.

— Но теперь я передумала, — заявила она. — Телёнок мне быстро наскучит. К тому же чёрные телята бывали в нашем стаде и прежде. Теперь мне нравится вот этот.

Шеба указала на гарча.

Роуэн вопросительно посмотрел на Норриса и Шаран. Норрис пожал плечами, а Шаран взглянула на гарча, потянувшегося к колдунье, которая гладила его по голове, и утвердительно кивнула.

— Его зовут Унос, — тоненьким голоском сказала она.

— Очень хорошо. Он мне подходит. — Шеба с неожиданной нежностью похлопала гарча по пёстрой спине. — Он настоящий чудик.

— В наших краях считают иначе, — громко заявил Норрис.

— Но здесь таких, как Унос, больше не сыщешь, — заметил Огден. — А то, что редко, всегда ценится дороже.

Он положил руку на плечо Зеел и с улыбкой посмотрел на её друзей.

Шеба хмыкнула и заковыляла прочь, щёлканьем языка подзывая Уноса. Гарч с довольным шипением вразвалку пошёл за ней.

— Уносу будет у неё хорошо, — со вздохом признала Шаран, глядя им вслед, но глаза её наполнились слезами, и Роуэн понял, что она горюет о бабушке.

Звёздочка ткнулась носом в его плечо, и Роуэн обернулся, чтобы её погладить. Вот Звёздочка была довольна тем, что гарч скрылся из виду. Но Шаран...

— Одному из вновь прибывших мы подыскали приют, — сказал Аллун. — А вот что с остальными... — Он выступил вперёд, ведя за собой свою мать Сару. — Моя мама не особенно странная, — объяснил он Шаран и Норрису. — Единственный раз в жизни она начудила, когда вышла замуж за бродника. Вы сами видите, что сын вроде меня мог быть послан ей только в наказание. Но скоро мама потеряет свое бесценное сокровище, ведь Марли сдуру согласилась выйти за меня замуж.

Марли исподтишка пнула его ногой, но он притворился, будто не заметил этого, и приумолк, принимая поздравления односельчан.

— Свадьба будет очень скоро. Ясное дело, пока Марли не успела передумать. Поэтому мама приглашает вас поселиться в её доме. Ну, вы понимаете, ей же нужно, чтобы кто-нибудь пропалывал её грядки и съедал все, что она наготовит. А готовит она изумительно.

Сара ласково улыбнулась Норрису и Шаран, которые были окончательно сбиты с толку.

— Не обращайтесь внимания на его глупости, — попросила она. — Я была бы очень рада, если бы вы согласились жить у меня.

Шаран посмотрела на брата, а тот широко улыбнулся.

— Спасибо, — застенчиво ответила она Саре. — С большим удовольствием.

— Значит, решено, — заявил Аллун, радостно потирая руки. — А теперь не помешало бы поесть! Вяленая рыба и кекс из водорослей отличные вещи, но хлеб, сыр и пироги я всё же люблю больше.

— Всё дело вкуса, — негромко проговорил Жемчужник. — Но я сперва пойду полежу в воде, а потом отдам должное сыру с пирогами. Я до того проголодался, что готов проглотить Великого Змея со всеми его змеёнышами.

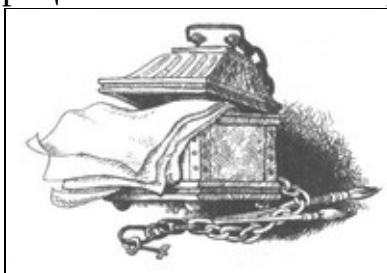
Со смехом все направились в деревню. Нельзя сказать, чтобы это была отменная шутка, но прежде никому и в голову не приходило, что водяные люди вообще умеют шутить.

Роуэн нёс в руках ларец с шёлковыми свитками, а рядом с ним шли Силач Джон, Джиллер, Аннад и Шаран. Аннад приплясывала на ходу и всё тянула Шаран за руку, чтобы та шла быстрее. Джиллер прямо светилась от счастья.

Джон повернулся к Роуэну:

— Надеюсь, Роуэн, ты нам расскажешь обо всём, что с вами случилось.

— Да. — Роуэн взглянул на ларец. — Нам есть о чём рассказать.

Глоссарий

Аллун — хлебопек; муж ткачихи Марли, наполовину бродник

Аннад — младшая сестра Роуэна

Бри — огородник, муж Ханы

бродники — люди бродячего племени

Брон — воин из Золотой долины

Бронден — плотничиха

букшахи — мохнатые травоядные животные с большими рогами. Букшахи тянут плуги на полях и дают жителям Рина молоко и шерсть для пряжи

великаны Инспрея — по легенде, погубили Золотую долину

Великая Равнинная война — последняя война, в ходе которой жители Рина в союзе с водяным народом и бродниками одержали победу над зибакками, вторгшимися из-за моря

Водяная страна — лежит к востоку от Рина, на берегу моря. Ее жители, водяные люди, занимаются рыбной ловлей

Вэл — мельничиха, сестра-близнец Эллиса

гарч — крылатое чудище из страны Зибак

Гора — возвышается над Рином. С давних пор ее называют Запретной Горой

деревья Унрина — кровожадные деревья, погубившие Золотую долину

Джиллер — мать Роуэна

Джоэль — младший брат Моргана

Дракон — живет на Горе

Дымка — букшах

Жемчужинка — букшах

Звездочка — букшах, предводительница стада

Зеел — предвестница бродников, приемная дочь Огдена, зибак по происхождению

зибаки — воинственный народ, живущий за морем, в стране Зибак

Золотая долина — счастливая страна за Горой, к западу от Рина, в давние времена погибшая из-за деревьев Унрина. Подробнее об этом рассказано в книге «Роуэн и бродники»

ишкин — подземное чудище, обитающее в Пустынных землях в стране Зибак

Кристалл — магический кристалл, принадлежащий водяному народу

Ланн — самая старая жительница Рина, некогда прославленная воительница

Марли — ткачиха, жена Аллуна

Морган — покойный дед Роуэна; в юности собирался жениться на Ланн

Норрис и Шаран — брат и сестра, последние потомки ринцев, томившихся в плену у зибакков. О том, как они обрели свободу, рассказано в книге «Роуэн в стране Зибак»

Нил — горшечник

Огден — предводитель бродников, сказочник

предвестники бродников (Зеел, Тор и Митрен) — на воздушных змеях летят впереди своего народа, разведывая, нет ли опасностей на пути

провал Унрин — мрачное ущелье, возникшее на месте Золотой долины

Рин — деревня, расположенная в плодородной долине у подножия Горы

Роуэн — пастух букшахов; мальчик из Рина, главный герой

роща Унрин — роща на дне провала Унрин

Сара — мать Аллуна

Сефтон — покойный отец Роуэна; погиб при пожаре

Силач Джон — садовник, отчим Роуэна

Солла — кондитер

страна Зиба — страна, в которой живут зибак

Сумерница — букша

Тимон — учитель

Унос — гарч, крылатый зверь, принадлежащий Шебе

Фея — букша

Флисс — хранительница шелков из Золотой долины Хана — жена огородника Бри

Хранитель Кристалла — правитель водяного народа черная полоса поперек лба — отличительный знак всех зибак

Шаран — сестра Норриса, хранительница шелков

Шеба — колдунья, живет в уединенной хижине на краю деревни

Школьное Дерево — раскидистое дерево, в тени которого ринские дети учатся летом

Эван — хранитель букшахов из Золотой долины

Эллис — мельник, брат-близнец Вэл

Эльза — бабушка Роуэна, жена Моргана